

Новогодние рассказы о чуде

★ В поддержку
благотворительного
фонда

Созидание
благотворительный фонд

Дмитрий Витер
Юлия Асланова
Анастасия Манакова
Мария Александровна Ерфилова
Мария Артемьева
Наталья Дзе
Оксана Олеговна Заугольная
Саша Маршалик
Ирина Сергеевна Богатырева
Юлия Ефременкова
Марианна Ли
Артем Гаямов
Эмилия Галаган
Татьяна Сергеевна Леванова
Ксения Комарова
Александр Мотельевич Мелихов
Лев Усыскин
Валерий Петков
Нелли Мартова
К. А. Терина
Светлана Пригорницкая

**Елена Трофимчук
Ая эН
Наринэ Юриковна Абгарян
Ангелина Злобина
Марина Паренская
Лариса Андреевна Романовская
Александр Александрович Подольский
Новогодние рассказы о чуде
Серия «Праздник-Праздник»**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69765193

Новогодние рассказы о чуде:

ISBN 978-5-17-158792-5

Аннотация

Люди ждут чуда. В преддверии Нового года и Рождества и все остальные месяцы. Ждут маленькие и взрослые. Наивные и серьезные. Верящие в Деда Мороза и нет.

Подсознательно, иррационально ждут, что вот-вот произойдет что-то волшебное и жизнь изменится к лучшему.

Одиноким встретят родственную душу. Болеющие поправятся. Растерянные найдут смысл жизни. Отчаявшиеся – поверят в себя.

И чудеса случаются. Потому что так и должно быть.

В этой книге мы собрали целую коллекцию историй о самых разнообразных предновогодних чудесах. И пусть каждый читатель найдет здесь частичку чуда для себя.

Содержание

Вместо предисловия	7
Лариса Романовская	8
Эмилия Галаган	13
Наринэ Абгарян	32
Лев Усыскин	41
Юлия Ефременкова	58
Ая эН	69
Александр Маршалик	89
Марианна Ли	123
Нелли Мартова	145
Конец ознакомительного фрагмента.	152

Новогодние рассказы о чуде

© Авторы, текст, 2023

© Межова Ю. С., ил., 2023

© Соловьева С. А., обложка, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Вместо предисловия

Люди ждут чуда. В преддверии Нового года и Рождества и все остальные месяцы. Ждут маленькие и взрослые. Наивные и серьезные. Верящие в Деда Мороза и нет.

Подсознательно, иррационально ждут, что вот-вот произойдет что-то волшебное и жизнь изменится к лучшему.

Одиноким встретят родственную душу. Болеющие поправятся. Растерянные найдут смысл жизни. Отчаявшиеся – поверят в себя.

И чудеса случаются. Потому что так и должно быть.

В этой книге мы собрали целую коллекцию историй о самых разнообразных предновогодних чудесах. И пусть каждый читатель найдет здесь частичку чуда для себя.

Лариса Романовская

Январские феи и фейерверки

Наташе и Верочке Миловановым

У Вари во дворе гремят фейерверки. Грохочут. Взрываются праздничными искрами.

Грррррр! Фырк! Урррррра!

Петарды!

Фейерверки!

Варя любит слова, в которых много «эр». «Вар-ва-ра», например.

Ско-ро пер-во-е ян-ва-ря. В слове «января» есть еще одна «Варя». Маленькая, как фейерверковая фея. Фея носит платье из конфетного фантика, серебряное, летучее... Варя прячет фантик в карман куртки. На Варе сейчас куртка и шапка, хотя она не на улице.

Варя и папа вышли на балкон с бенгальскими огнями. Это такая трррррр... традиция. В прошлом году так было, и в позапрошлом, а до этого Варя засыпала до Нового года и просыпалась сразу с подарками.

Если смотреть новогодней ночью с балкона во двор, то машины похожи на снежных чудовищ. А если смотреть с бал-

кона на комнату, то она странная. Будто не твоя. Или не ты смотришь, а Дед Мороз.

Вот Варина комната, с елкой, с гирляндами на окне, с собакой на диване. Варину собаку зовут Розочка. Розочка – йоркширский терьер. Розочка любит спать на диване.

Над диваном тоже гирлянда, она мигает синим и оранжевым, красным и зеленым. Собака Розочка от этого света совсем сказочная. Будто не йорик даже.

Может, сказочность наступает не только от гирлянды, но и от музыки? Тоже традиция, у них на каждый Новый год много-много Чайковского. Когда мама включает эту музыку просто так, например летом, Варя сразу чувствует запах елки.

Из комнаты слышно Чайковского, пахнет елкой и уткой в апельсинах. На балконе идет снег.

Папа зажег бенгальский огонь для Вари, а потом свой от Вариного. Искры как посыпались! Папа махал рукой, искры летели во все стороны...

– Папа, ты кому машешь?

– Деду Морозу! Чтобы видел, на какой балкон кидать подарки.

– Тогда маши сильнее!

Папа поднялся на цыпочки из тапочек и еще сильнее замахал своим огоньком. Варя отскочила. Она забыла, что бенгальские искры не обжигают. Просто красивые. Как танец

фей!

Во дворе снова бахнул фейерверк. Небо стало таким ярким, их бенгальских огоньков почти не видно. Дед Мороз их точно различит?

Тут на балкон пришла мама, с мобильным телефоном – в нем били куранты. Внизу и наверху засияло. Двор стал синим, белым, малиновым. Если бы машины были снежными чудовищами, они бы точно проснулись и... Главное, чтобы они не испугались! Хорошо, что их Розочка совсем не боится петард и фейерверков. Она просто не любит, когда все люди собираются без нее.

Розочка проснулась, прыгнула с дивана, стала бить лапами в балконную дверь.

Мама взяла ее на руки, спрятала под куртку. Отдала Варя свой бенгальский огонь, а папе – мобильник с курантами. А небо было таким ярким, что, если Дед Мороз сейчас где и пролетал, они бы его не разглядели. И как подарки в окно влетали – тоже не было видно. Наверное, из-за искр.

Варя вошла в комнату, а под елкой – большая желто-зеленая «ватрушка», и еще пакеты, и еще коробки, и от гирлянды все совсем таинственное. И пахнет уткой в апельсинах.

Варя сказала, что будет праздновать в «ватрушке». Взяла туда свою тарелку с салатом и стакан с тархуном. Он зеленый и тоже очень новогодний. Специальная елочная газировка!

Странно посреди комнаты сидеть в «ватрушке». Вроде си-

дишь, а вроде немного с горки едешь.

Фейерверки гремели, грохотали, взрывались, переливались...

Фей-ер-верк... Как будто феи в вихре танцуют.

Варя засыпала и думала про фей. А за окном грохало. Яркое в праздничной темноте.

Приходил январь.

Первое января. Белое утро.

Варя, мама, папа и собака Розочка стоят во дворе. У папы «ватрушка», у мамы – поводок.

Тут пахнет петардами, фейерверком, праздником.

На снегу следы хлопушек, много серебряных монеток и золотых сердечек. Береза нарядная, в мишуре и серпантине.

В квартирах нарядные елки и гирлянды, а во дворе – праздничная береза, с яркой картонной кормушкой. Хорошо бы в кормушку прилетел красный снегирь!

Варя видела снегирей в вагоне метро, в декабре. Уже в прошлом году! В метро ехал праздничный поезд. Там шарики, мишура, гирлянды. И на дверцах снегири нарисованы. Красные, праздничные. Вот бы такого увидеть!

Ветер качает ветку с кормушкой.

– Папа, мама, давайте ждать снегиря?

Собака Розочка прыгает, тянет поводок... У Розочки розовая курточка. И звонкий лай. От такого все снегири про-

летят мимо кормушки.

Варя, мама, папа и собака Розочка идут дальше, по двору, мимо сугробов. Некоторые сугробы – это машины. На них снег вперемишку с сердечками и монетками. Наверное, новогодней ночью машины все-таки превращались в волшебных зверей. Кроме них, во дворе никого нет.

Горка в сквере, через дорогу. Тут тоже пусто.

– Поехали! Обе садитесь!

Папа ставит «ватрушку» на снег. Варя и мама забираются внутрь. С мамой весело и тесно.

Если обернуться, то видно след «ватрушки» – широкий, ровный, будто здесь прополз кто-то сказочный. Пусть тот, кто пойдет следом за ними, так и подумает.

Папа бежит вперед, в одной руке ремень «ватрушки», в другой – поводок Розочки.

В сквере очень тихо. Они тут одни.

Слышно, как у Вари в кармане шуршит серебряный фантик. Вчерашний, с балкона. Не надо заглядывать в карман, а то мало ли... Вдруг там правда январские бенгальские феи?

Не надо заглядывать.

Пусть феи спят до темноты. У них сегодня еще один фейерверк.

Эмилия Галаган

С Новым годом, Crazy Frog!

Куда ты больше всего хочешь попасть, там и есть твой дом. Только на небеса мало кто рвется. И правильно: глаза от сини беспредельной режет, ветер до костей продувает, тучи-кучи летать мешают и музыка так себе...

Но он давно в ангелах, привык, уже и не помнит, кем был раньше и как сюда попал...

Лиза стояла у зеркала в прихожей и выбирала, какой из двух шарфов надеть: зеленый, эффектно контрастирующий с ее медно-рыжими волосами, или алый, который будет горячо пламенеть на фоне засыпавших город снегов. Помимо этой дилеммы, ей предстояло решить еще один вопрос: что делать с внезапно нагрянувшей в гости Танькой?

– Вот куда тебя теперь?

Танька вздохнула и виновато повела плечами:

– Я это... В городе остаться хочу... Типа квартиру снять, может...

– Не знаю, чем тебе и помочь... Я бы предложила у нас пожить, но как раз на праздники должны приехать родичи Вадика... Мать, тетка, племянник – толпа народа...

– Да я это...

– Ты ж мне не чужая... Просто положить тебя сейчас некуда...

Серьги в Лизиных ушах качнулись, как и те внутренние весы, на которых она всегда взвешивала каждое решение: алый или зеленый? Положить Таньку на раскладушке в кухню или все-таки отправить восвояси? И принесло же ее не вовремя. Танька – юное создание с коротко стриженными огненными волосами и тоннелями в ушах – была дальней родственницей Лизы. Родом они обе из маленького городка, зависшего между двумя областями. Летом Танька приезжала подавать документы в институт, но не прошла по конкурсу и теперь вот валяла дурака (искала себя) и ругалась с родителями.

– Тань, может, ты бы ехала домой, а? А после праздников приезжай – примем как родную... Я тебе на билет дам...

– Ну... Даже не знаю... Может, типа к кому на хату можно? У меня деньги есть... Заработала, соседке помогала, с малыми сидела...

– В гостиницу попробуй, если тебе так уж приперло, но мне кажется, там цены космические...

– Слушай, а че там с этим... С Олегом?

Лиза поежилась: к душе прикоснулась память, а руки у нее, как у покойника.

– Что-что... Ничего... По-прежнему. Бизнес свой ведет. Если, конечно, будка, где технику ремонтируют, это бизнес... «У Паши», при входе на рынок привокзальный...

Они встречались три года. Все так красивенько было: они друг у друга первые, цветы, прогулки по городу. Лиза думала, что они поженятся после института (он учился в политехе, она – в педвузе, классическая пара). Немножко нелепо, но она даже переживала, что у их дочери будет такое неудачное отчество – Олеговна. Оле-чего-чего? – говна! Задразнят же! Лиза даже мысленно проводила с ней, с дочерью, разъяснительные беседы, чуткие, доверительные: «Доченька, у тебя чудесный папа и прекрасное отчество!»

Но все пошло не так. Когда Лиза и Олег учились на третьем курсе, зимой, только снег выпал, случилась беда – машина, в которой ехали родители Олега и его маленький брат Гоша, попала в аварию. Погибли все.

Лиза понимала, что любимому тяжело. Немножко стыдно: лелеяла надежды, что именно она своей заботой и любовью отогреет его сердце, замерзшее мгновенно до самого дна. Она старалась, старалась изо всех сил! Но Олег ушел в себя, стал резок, как нашатырь. Она так хотела спасти отношения, но... Он просто наплевал на все! Бросил институт, отслужил в армии, вернулся. Устроился работать в эту будку на рынке: в технике разбирался.

Олег не бросал Лизу, но и предложения не делал. А она познакомилась с Вадимом, тот начал ухаживать... Лизка какое-то время встречалась параллельно с обоими (немножко некрасиво, но что поделать: как выбрать, не сравнив?). Вадик нравился ей куда меньше Олега, но... Вадик сделал

предложение! И Лиза согласилась.

Все должно происходить вовремя: образование, замужество, дети. Упустишь что-то – и все, жизнь расшаталась, как та старая табуретка, на которую недавно Вадик встал, чтобы надеть на верхушку елки звезду. Хрясь – и лежишь на полу, смешно и больно.

Да, муж гораздо старше нее, некрасив, неуклюж, и эта мерзкая привычка повторять все по триста раз...

...а у Олега и чувство юмора, и ямочка на подбородке, и глаза зелено-голубые, весенние...

Те-ле-фон. Резкая танцевальная мелодия, мысли разрезаны, как шредером. Выброшены в мусорку. Туда им и дорога.

– Лиз, ты это... Выходишь или нет?

– Я иду.

– Лиз, поезд в шесть. Уже выходить бы надо.

– Я иду, иду.

– Лиз, в шесть прибытие. Все-таки уже пять тридцать. А они ж не местные... Еще уйдут с платформы, потом ищи их...

– Иду уже! Таню еще подкинем.

– А успеем? В шесть же...

– Успеем. Ей тоже на вокзал. Тань, слушай, а хочешь шарф? Смотри, тебе как пойдет... Бери, бери, это тебе на Новый год... Мы уже идем, Вадь, спускаемся...

Пока Танька что-то там запиналась про то, что она-то без подарка, Лизка быстро обмоталась алым шарфом и утащи-

ла Таньку за собой. Смешная она, конечно: тощая, долго-вязая, рукава куртки ей, кажется, коротковаты, а неловкие красные руки не с первого раза умудряются ухватиться за собачку молнии... Но зеленый шарф с ее оранжевыми волосами сочетается замечательно!

Комната казалась большой из-за того, что была полупустая – как кажется огромной жизнь, когда тебе лет десять и ты еще не думаешь про деньги, работу и прочее, а просто тусуешься целыми днями на улице с друзьями. Из мебели тут присутствовал только здоровенный диван, как будто вросший в стену. В углу валялось несколько коробок и сумок – постояльцы забыли. Олег сказал, что сдавал комнату в основном торгашам, которые останавливались ненадолго, распродавали товар на рынке и отчаливали. В соседней комнате жил он сам, а точнее – просто ночевал посреди завалов всяких запчастей от телефонов и ноутов.

Танька считала, что ей дико повезло. Она ж неспроста спросила Лизку об Олеге: кто-то из их, райцентровских, напел, что Олег вроде как сдает комнату в городе. Вот Танька и хотела прощупать почву... А Лизка тут же решила, что Таньке интересно, как он там и чего (нет, ну конечно, интересно, все знали про то, что они с Лизкой мутили, а потом разбежались, но сейчас Таньку волновало другое). В общем, хитрый маневр завести разговор об Олеге, а затем невзначай перевести тему на аренду жилья не сработал, и Таньке при-

шлось идти на рынок наудачу. Все-таки тут не их городишко, где нужного человека найти – дело плевое, а го-о-ород – народу тыщ сто, огромное многообразие Олегов, ищи-свищи нужного. Но судьба была на ее, Танькиной, стороне: у входа на рынок ей сразу попалась на глаза будка с вывеской «У Паши». Сидевший внутри мужик на вопрос, можно ли позвать Олега, просто крикнул: «Оле-е-ег!» – и чудо свершилось.

Лизкиного бывшего Танька раньше видела несколько раз, но запомнила другим: нагловатым, как все городские. Глаза у него были какие-то насмешливые, с подколкой. Вот бывают глаза с поволокой (что это такое, Танька не знала, но фразу слышала), а бывают – с подколкой. Сейчас Олег стал как-то попроще: куртка на нем потертая, шапочка на глаза надвинута. Смотрит тяжеловато, не с подколкой уже, а даже с наездом. Но Танька не стушевалась, спросила о комнате – и выяснилось, что как раз сейчас она свободна.

Значит, судьба Таньке остаться в городе. А то она уже думала, что придется тащиться обратно с позором. Уж дорогие родственнички позлорадствовали бы! Известное дело: как родичей ни корми, а лучший десерт для них всегда – Танька. Ну а кого еще жрать, как не ее: в универ не поступила, выглядит как пугало. Танька огрызалась-огрызалась, а потом психанула и дверью хлопнула. Хорошо хоть заначку с собой взяла.

Сейчас гнев на родичей начал подостывать, к тому же Таньке было как-то стыдно перед человеком, у которого

вообще никакой родни не осталось. Танька ворочалась на неудобном диване, пересчитывая ребрами пружины, и думала о том, что подарков в этом году она никому дарить не будет. Ну их всех! Эта свобода показалась ей такой же блаженной пустотой, как и сон, в который она провалилась.

Утром, однако ж, все тело болело. Ступив с дивана на пол, Танька ощутила всю прелесть соприкосновения с грубой действительностью в виде давно немытого пола. Может, прибраться тут? Домовитостью Танюха не отличалась, но когда заняться особо нечем, как говорится, почему бы и не?

Выпив пару кружек чая на кухне (там тоже был бардак), попялившись какое-то время в пыльное окно и погладив дремавшую на подоконнике бело-рыжую кошку (той, похоже, как и Олегу, все было до фонаря), Танька взялась за дело. Сумки и коробки из угла она вынесла в коридор: спросит у Олега, может, он разрешит их выбросить. В комнате они ее нервировали, как случайно запавшие в голову фразочки родственников, которые перебирали все ее косяки и подрывали самооценку. Затем она подмела пол, поднимая клубы пыли истрепанным веником, нашла какое-то ведро и тряпку и принялась за уборку.

Разбуженная тяга к чистоте внезапно столкнулась с препятствием – под диван не пролезали ни веник, ни рука с тряпкой. Танька преисполнилась решимости отодвинуть от стены этот предмет давно не мягкой мебели. Однако пенсионер стоял на своем, как ее дед, когда в споре величие СССР

отстаивал. Танька поднажала. «Обои обдеру, пол поцарапаю – все разворочу, но тебя, гад, сдвину», – думала она. Все ее упорство и желание изменить свою жизнь почему-то сосредоточились на этом огромном старом диване. Еще, еще чуток! И вот он наконец-то сдвинулся, открыв Танькиному взору суверенное государство пыли и мусора. Какие-то бу-мажки, фантики от конфет, ссохшийся, как мумия, огрызок яблока, несколько ручек и мобильник. Серебристый «Сам-сунг», старенькая модель. Похожий был у Таньки классе в пятом, может, дома до сих пор где валяется. Вроде хрень, а в помойное ведро не отправишь.

Танька в задумчивости вертела телефон в руках.

В замке щелкнуло, открылась дверь.

– Это я, не бойсь, надо взять кой-чего...

Дверь в комнату была как раз напротив входной, поэтому Олег сразу заметил и оценил Танькин подвиг:

– Фигасе, ты Халк!

Танька хотела пошутить, что это она еще не завтракала, как Олег заметил в ее руке телефон.

– Нашла. За диваном, – пояснила она.

Все-таки какой неприятный у него взгляд! Танька почувствовала себя виноватой, как будто она этот телефон стырила.

Олег взял телефон, повертел в руках.

– Не может быть!

Нажал на кнопку включения. Телефон не отреагировал.

– Сейчас...

Олег ушел в свою комнату и вернулся с зарядным устройством. Тут же, за диваном, нашлась розетка, в которую он воткнул шнур зарядки. Телефончик начал заряжаться.

– Если это он... Десять лет за диваном пролежал, по ходу. Я думал, он его с собой взял. Это брата моего. – Олег поднял глаза на Таню. – Мелкого.

Таня кивнула. Телефон его брата. Который того... погиб. Жуть, блин. Ну и находочка...

– Я мебель и вещи раздал и распродал. Стенку всю. Стол письменный. Игрушки. А диван хотел вынести на помойку, но прикинул, что он в дверной проем не пройдет, надо наличник снимать. На хрен этот геморрой? Пусть стоит, думаю. Этим, с рынка, спать сойдет.

– Жестковато вообще-то.

У человека вся семья погибла, а ей спать жестко. Танька мысленно обозвала себя debilкой. Но с другой стороны... Олег должен знать: это для него, судя по всему, умерли все ощущения – а для других нет. Другим было жестко, скользко, холодно, жарко, больно, приятно, страшно и еще по-всякому.

Телефон заряжался.

Танька понимала, что Олегу очень страшно, но он не отступит. Где-то на краю памяти вспыхнула история про кента, что полез в ад за женой... Надо было уходить не оборачиваясь, они шли-шли, но она все-таки обернулась и стала

соляным столбом... Или он обернулся? Все в башке перепуталось, только одно ясно – вертеться не вариант.

Олег нажал на кнопку включения. Пароль оказался не нужен.

– Гошка диктофон любил... Там лимит, запись может длиться всего пару минут. И он вечно записи делал, одну за другой.

Голоса перебивали друг друга, тыкались локтями, как в переполненном автобусе:

– Ты собираешься? Опаздываешь уже! – Женщина.

– Да! – Мужчина.

– Гоша, доедай давай! – Женщина.

– Тут сигареты лежали на холодильнике, кто взял? – Мужчина.

– Я тебе говорила: прячь свои сигареты! Олег, ты? Гошке не дотянуться! – Женщина.

– Гошка типа совсем тупой: не мог взять табуретку, да? – Молодой парень, в котором Таня не сразу опознала Олега.

– Ага, Гошка взял и скурил... Олег, если узнаю, что ты куришь... – Женщина.

– Ма-ам... – Олег.

– Я все съел! – Ребенок.

– Умница, Гоша! Олег, если узнаю, что ты куришь... Никаких тогда карманных денег на гульки-танцульки с этой твоей Лизкой... – Женщина.

– Слушай, а ты не видела, я ключи свои куда в последний

раз ложил? – Мужчина.

– А вон что лежит? – Женщина.

– Это Олеговы. Мои с брелком... – Мужчина.

– Может, упали? За тумбу? – Женщина.

– Смотрел уже.

– Кошка, наверно, заиграла. – Женщина.

– Или Гошка, – снова Олег.

– Гошка не кошка! Гошка не кошка! – Ребенок.

– Успокойся уже! – Женщина.

– Гошка не кошка! Гошка не кошка! – продолжал скандировать малой.

Танька боялась, что Олег заплачет. Как тогда утешать? Лизка вон не смогла. А она девушка его была. Хотя чем она утешить могла – сексом и конфеткой?

Танька подумала, что у его мелкого, как и у него, Олега, наверно, была ямочка на подбородке. А батя чувствовал себя виноватым из-за того, что курит. А мать любила, чтоб ботинки в коридоре по размеру были выстроены. Хрен его знает, почему Танька так решила.

Реветь Танька ненавидела, но себя побороть не смогла. Момент, когда первый раз шумно вдыхаешь и с всхлюпом выдыхаешь, при рыдании самый стыдный. Она затаила дыхание.

– О, сейчас... Где это? Должно же быть! Оборжешься! Ну есть же оно! – Олег пролистывал диктофонные записи. – Во!

Он нажал на воспроизведение, и из телефона понеслась

задолбавшая всех в одно лето мелодия. Дурацкое кривляние, фиг знает почему ставшее популярным.

– Тын-тырыдын-дын-тын-тын-дын-тын-дыры-дын-дын-дын-дын! Чмяо-чмяо! – детский голос перекрикивал эту какофонию. Малой типа подпевал.

Олег засмеялся.

Танька засмеялась тоже. С хлюпами и взвизгами, комкая воздух при каждом вдохе.

Они стояли и смотрели, как заряжается телефон. Танька вытирала слезы, Олег сжимал мобильник в руке и улыбался. Кривовато, но все же по-доброму.

А потом сказал:

– Сигареты тогда я взял. Врал и не краснел. – Он достал из кармана пачку, зажигалку, подошел к форточке и закурил. – Ты-то куришь?

– Не-е...

– Хочешь – кури. Кури и ври. Если есть кому врать – это хорошо. Смекаешь, голова-мандарин?

– Наврала уже.

Танька отправила мамке SMS: «Остановилась у Лизы». Мать написала: «Канфет каробочку купи и от нас приветы передай. Непей много» («И она еще стебет меня, что я в инстик не поступила!») – подумала Танька, но ответила: «ОК»).

– Некоторые договариваются: кто раньше умрет, пришлет для другого весточку с того света. Чтобы знали, что другая жизнь есть. А я не договаривался ни о чем таком, но мне

вот... – Олег кивнул в сторону лежащего на диване телефона. – Крэйзи фрог пришел.

– Лизка моя... Того... Тебя типа любит.

Танька не знала, зачем это сказала. И тут же представила, какой выглядит debilкой.

Олег зажмурился, кивнул, выдохнул дым и сказал:

– А кошка наша, кстати, жива-здорова. Раньше была такая... Кошка-обормошка... Ее Гоша с улицы притащил, как раз накануне... Имени не успели выдумать... А потом я не стал, так она и осталась кошкой... Сейчас старушка уже. Я ее к вету ношу, ей какие-то витамины колют, она и оживает. Кошка, дядь Коля, с которым мы работаем... Это все мои. Больше мне никто не нужен.

– А почему «У Паши»?

Он улыбнулся.

– Да черт его знает. Был когда-то какой-то Паша. Вроде у него дядь Коля купил эту точку, а кто он, что он – история умалчивает.

Танька смотрела, как у его ног от тающего снега собирается лужица. На кой убирала, спрашивается?

– Слушай, а может, вам все-таки нужен... Еще продавец? Или хотя б это... Уборщица?

Вадим был доволен, что удалось вытащить родню в город. Матери уже за семьдесят, несколько лет назад, после смерти бати, она пережила инсульт. Тяжело ей в деревне жить, а в

город не едет. Спасибо вон тетя Кате, что о ней заботится. Перед тетей Катей Вадик в неоплатном долгу. Забавная она, эта тетя, в легком пальтишке приехала, от холода на месте не может устоять, все как-то подпрыгивает, но – улыбается. А племяш... Так ему праздник устроить сам бог велел: дите дитем, не Лизкина оторва Танька с этими кошмарными ушами. (Кто она жене по родству, Вадим из Лизиных объяснений так и не понял, уяснил: кто-то из своих.) Племяша порадовать просто – он на лифте бы катался и катался. Никаких аттракционов не надо!

Тротуары песком в этом году посыпали плохо. Припарковавшись рядом с мэрией, на центральной площади, Вадим вел под руку мать, мысленно обкладывая трехэтажным городские власти. Хоть мама и плохо слышала, ругаться при ней вслух он не мог, не таковский.

– Вот, мам, это наша мэрия...

– Что?

– Это мэрия, мам, бывший райисполком...

– Кого потолком?

– Рай-ис-пол-ком, – он почти кричал.

– Исполком?

– Да. Теперь называется мэрия.

– Мэрия?

– Ну да, по-заграничному.

– Ох, да. Как поменялось все...

Вадим кивнул: перемен матери хватило. Перемены как го-

довые кольца на спиле дерева. Но дерево-то все равно год от года выше вырастает. А человек старится, слабеет... Тут Вадимова философия забуксовала, как машина на плохо очищенной от снега дороге. А и ладно.

Племянник с любопытством смотрел на установленную напротив мэрии елку:

– Какая... Ровная!

– Да это собрали из маленьких елочек одну большую!

– Да ну! – Глаза аж сияют. Вот те чудо, мелкий, бери и носи.

– Вадь, я зайду в универмаг, меня наши попросили купить... Вот, целый список! – Тетка переминалась с ноги на ногу. Ох уж эти женщины: как только речь заходит о покупках, так у них сразу глаза загораются!

– Идите, тетя Кать, потом наберите мне, я на машине подъеду во-о-он туда, к главному входу... Чтоб вам не тащить покупки-то!

– Ой, да не надо! Я сама!

– Теть Катя, не надрывайтесь!

– Да я что, сумок не донесу? Это с покупками-то? – засмеялась тетя Катя.

– Не сомневаюсь, что донесете, но все равно наберите мне, как выйдете. Я подъеду.

– Хорошо.

– Обязательно наберите.

Племянник все еще не донес:

– Как же ее собирали, с подъемного крана, что ли? А звездочку как поставили? – Голову задрал.

Вадим надвинул ему на конопатый нос шапку и пошутил:
– С вертолета!

Предновогодний вечер всегда одинаков: орет телевизор, стучат на кухне ножи – Лиза и тетя Катя крошат салаты. Вадик для сугреву выпил рюмочку – после боя курантов можно уже основательнее накатить, хотя до скотского состояния он никогда не напивался, не таковский. Мама смотрела телевизор, повернув голову так, чтоб лучше слышать, правое ухо у нее чутко-е, как она сама говорит. Мелкаш играл со своим этим... Роботом ходячим. Вадим подарил, уж очень малой смотрел просительно. Ну, не дожидаясь полуночи, все раздарил, чего уж... Подарки ведь чем раньше вручишь, тем лучше. Маме он к празднику ремонт в кухне справил, тетя Кате – пуховик хороший, она, конечно, долго отнекивалась, но он ее все-таки уломал. Для Лизки Вадим подготовил подарок посolidнее – смартфон. Дорогой, зараза, молодежь такие в кредит берет, но Вадим сразу рассчитался, не нищий, чего там...

Лиза показалась из кухни с салатником в руках.

– Это что?

– Салат из морепродуктов!

– А оливье-то будет?

– Будет, будет!

– Точно?

– Точно!

– А то что за Новый год без оливье...

Лиза покачала головой и улыбнулась, дескать, и как ты, муж, можешь меня в таком подозревать, чтоб я про оливье забыла? Вадик залюбовался женой: красивая она, ладная. Даже фартук ей идет. Это первейший признак хорошей жены, как по Вадиковой мерке.

Он до сорока лет бобылевал. Все мама против была: та вертихвостка, та охотница за приданым. А он жених-то завидный, должность у него на заводе хорошая. Вадик слушался, маме лучше знать, она сама женщина, стало быть, своих товарок по полу лучше понимает. Лизка маме сначала тоже не понравилась – молодая да вертлявая. А потом, как у мамы инсульт случился, так она к Лизке и переменилась. А может, и Лизка сама как-то поспокойнела, посерьезнела. Словом, хорошо все сложилось, а то ведь к Лизке Вадим сильно прикипел, даже, может, и против мамы пошел бы, если б та не переменила мнения...

Где-то на диване, под подушками, надрывался Лизкин телефон. Она не сразу отреагировала на звонок: непривычно, телефон новый, другая музыка на звонке, не те буги-вуги, что раньше. Когда она нагнулась, чтоб достать телефон, Вадик легонько хлопнул ее по задку. Лизка скорчила смешную гримасу и выразительно посмотрела в сторону Вадиковой мамы, дескать, муженек, вежи себя прилично при представителях старшего поколения. Ответила на звонок:

– А, что? Нет, твои не звонили. Нашла работу? Молодец! Ничего себе! Ну и как он? Да... Сказала и сказала. Забудь. Привет передавай. Ага. Сидим. Вся семья Вадикова. Да, весело. И тебя с наступающим! Танька работу нашла, – сказала Лиза Вадиму: отчиталась перед мужем, кто звонил.

Вадим кивнул. Он не был ревнив, но ему льстило, что жена у него такая ответственная. Ничего за его спиной. Все открыто, честно.

– Танька твоя, конечно, без царя в голове, – затянул он, – но, может, и с нее толк будет...

– Да-да...

– Девка бедовая.

Лиза вздохнула, соглашаясь, и тут же спохватилась:

– Теть Кать, курицу пора доставать! Хоть бы не сгорела!

А после боя курантов, когда все чокались бокалами с шампанским, Лизка вдруг повернулась к Вадиму, посмотрела решительно, как будто на войну добровольцем собралась идти, и сказала:

– Вадь, а давай ребеночка заведем?

Вадим, вдруг осознавший, что это – тот самый подарок, которого он давно ждал, подхватил жену на руки и закружил по комнате, тетя Катя, у которой смешно покраснел кончик носа, опрокинула в себя рюмочку водки, а племянш, не разобравшись в причинах всеобщего веселья, вопил не затыкаясь: «С Но-вым го-дом! С Но-вым го-дом!» И только старушка мама, кажется, ничего толком не понимала...

Когда нет света, тьму побеждает снег. Дядя Паша все сыпал и сыпал вниз мешок за мешком, тын-тыры-дын-дын-дын-дын.

Наринэ Абгарян

Один: белый ¹

Иногда казалось, что тетка ненавидит весь белый свет. Владельцы магазинчиков, бухгалтерию которых она вела, были не иначе как идиотами. Инспекторы пенсионного фонда и налоговой службы – жуликами. Операторов банка она обзывала недоумками. Вежливого молодого человека, заглядывающего раз в месяц за показаниями счетчика холодной и горячей воды, – раздолбаем. Родной городок был для нее исключительно захолустьем, дорожные рабочие, долбящие смерзшуюся землю, чтобы сменить лопнувшую трубу, – нищebroдами, а предновогодняя суета, затянувшая в свой лихорадочный круговорот людей, – языческой вакханалией. Что не мешало ей, вооружившись списком для праздничного стола, ходить по лавочкам и скупать продукты и милые сердцу безделушки, как то: нарядные салфетки, разноцветные свечи, рождественские веночки, открытки, силиконовые формочки для выпечки и переливчатую канитель. И конечно же, гофрированную бумагу, в которую нужно было заворачивать подарки.

---

¹ Отрывок из повести «Молчание цвета».

Елку, правда, тетка никогда не ставила и в этом году исключения делать не стала, хотя бабушка ее об этом очень просила:

– Ребенку будет в радость!

Тетка была непреклонна:

– Украсим подоконники игрушками и гирляндами – будет ей радость.

Астхик обижаться не стала, потому что знала: искусственную елку тетушка терпеть не может, а срубленную из принципа покупать не станет, мотивируя тем, что это форменное извращение – хранить труп растения у себя в доме. «Самая красивая ель – та, которая растет в лесу. А не та, что торчит из ведра с песком, увешанная игрушками и гирляндами!» – объяснила свою позицию она. Астхик ее доводы вполне устраивали.

Подготовка к праздникам – Новому году и Рождеству – растянулась на целую неделю. Сначала в квартире произвели генеральную уборку, перемыв все окна, начистив до блеска ванную комнату, перестирав и перегладив белье и натерев паркетные полы пахнувшей хвоей мастикой. Потом настала пора готовки и выпечки. У плиты в основном вертелась бабушка. Работы в этот раз было особенно много – во-первых, часть припасов мама с теткой собирались отвезти папе, ну и к традиционным визитам нужно было подготовиться: новогодние праздники – пора гостевания, а гостей не принято

было выпроваживать голодными.

Уроков перед праздниками особо не задавали. Быстро справившись с ними, Астхик, сунувшись на кухню и стянув мятный пряник, убежала играть с Левоном. Первым делом они наведывались во двор церкви, чтобы полюбоваться рождественским вертепом. Иосиф и Мария не отрывали любящего взгляда от завернутого в лоскутное одеяльце младенца, горели свечи, хлев обступали плохонько слепленные глиняные животные, и нужно было сильно постараться, чтобы отличить вола от овцы.

Густо снежило, потому балдахин, натянутый над Святым семейством, приходилось постоянно отряхивать. Для этого несколько раз на дню из церкви выдвигался священник тер Тадеос, неся под мышкой обмотанный мягкой тканью веник. Длинная ряса развевалась широкими полами, на груди качался маятником крест. Следом ковылял церковный сторож, неся стремянку. Пока тер Тадеос орудовал веником, страхи-вая с шатра снег, сторож поддерживал стремянку и притворно вздыхал, подмигивая собравшейся вокруг детворе:

– Тер Тадеос, а ведь по нам можно время сверять!

– Это почему? – не подозревая подвоха, отрывался от работы священник.

Сторож потирал кончиком указательного пальца крючковатый нос, глядел вверх, запрокинув голову, чтобы поймать взгляд священника:

– Мы с вами словно ходики с кукушкой: каждый час из

церкви выскакиваем! Неплохо было бы при этом еще и куковать, но вас же не заставишь!

— Размик, ты опять за свое?

Детвора хихикала, тер Тадеос, сердито пыхтя, стряхивал веником снег, сторож, посмеиваясь, подпирал плечом стремянку.

В перерывах между чисткой балдахин превращался в намест, который, к вящему недовольству тера Тадеоса, облюбовал его же петух. Дом священника находился в двух шагах от церкви, и повелитель курятника, грозный золотисто-черный крикун, видимо, решив разделить с хозяином его заботы, повадился наведываться во двор церкви. Обычно он недолго прогуливался по газонам, снисходительно ковыряясь там и сям желтым клювом, потом, взлетев на балдахин, сидел там, злобный и нахохленный, победно обкукарекивая всякую мимо проезжающую машину. Притом, чем больше была машина, тем громче звучал его задиристый крик.

В какой-то миг у тера Тадеоса заканчивалось терпение, и он выскакивал из церкви, размахивая веником, словно кадиллом. И тогда детвора очень веселилась, наблюдая за тем, как улепetyвает, надрывая глотку, пронзенный до глубины души хозяйской неблагодарностью петух. Отогнав его на безопасное расстояние, священник возвращался, утирая рукавом выступивший на лбу пот. Проходя мимо хихикающих детей, он неизменно осенял их крестом и, обозвав оболтусами, скрывался за тяжелой церковной дверью.

Полюбовавшись тертадеосовским бегом по пересеченной местности, Левон с Астхик уходили на игровую площадку, где, вдоволь накатавшись на ледяных горках, расходились по домам. Иногда Астхик заглядывала к своему другу домой – перекусить бутербродами, выпить какао или, если бабо Софа была в снисходительном настроении, – кофе с молоком (кофе давали детям крайне редко). Гево, стараниями младшего брата освоивший игру в разноцветные камушки, удивлялся новыми навыками. С недавних пор он научился складывать математические фигурки, строго закрепив за каждой свой цвет: треугольник у него всегда был желтым, квадрат – зеленым, круг – красным. Обратив на это внимание, Левон совсем не удивился, более того, немного поразмыслив, выбрал из ведерка коричневые камушки и сложил их в форме прямоугольника. Гево с благосклонностью новую фигуру принял.

– Как ты догадался? – опешила Маргарита, сестра Левона и Гево.

Левон возвел глаза к потолку, пытаясь подобрать слова для доходчивого объяснения.

– Вот смотри: когда ты думаешь о шоколаде, ты уже знаешь, что он сладкий и очень вкусный, правильно? Ты даже чувствуешь его вкус у себя во рту.

– Н-наверное, – неуверенно согласилась Маргарита, обещав себе в следующий раз обратить внимание на свои ощущения, когда вспоминает о шоколаде.

– Так же и с цветом. Если правильно представить его – сразу понимаешь, какая у него форма. Какая цифра. И какая музыка.

– Музыка? Да ладно! И какая, – Маргарита призадумалась, – музыка у белого цвета?

– Что ты разучивала в декабре? Ты еще расстраивалась, что учительница недовольна, потому что тебе не удастся держать ровный темп.

– «Лунный свет» Дебюсси. Крохотный кусочек.

– Ага. Так вот, тот кусочек – белый.

Астхик, присутствовавшая при этом разговоре, не встревала, но слушала внимательно, не переставая удивляться тому, до чего же чудной мальчик Левон. И сколько в нем такого, чего нет в других детях. О его особом восприятии мира она узнала совсем случайно, когда они попали под густой снегопад. Хлопья были огромные, казалось – в половину ладошки, падали медленно и нерешительно, будто сомневаясь – вдруг перепутали время года. Левон поймал одну такую снежинку на варежку и, полюбовавшись ею, пустил кружиться дальше. А потом посмотрел вверх и выдохнул: «Воздух такой один!»

– Одинокий, – поправила Астхик, тоже посмотрев вверх.

– Одинокий?

– Ну, ты сказал – воздух такой один! Правильнее одинокий, разве нет?

– А! Я имел в виду не одиночество, а цифру «один». Еди-

ницу. Она белая, как и воздух, когда падает снег. Слушай, тут такое дело...

И Левон рассказал ей о своей синестезии. Она слушала, приоткрыв от удивления рот. Дослушав, решила сострить, чтобы скрыть свое замешательство:

– У вас в семье все необычные? Может, вы все – инопланетяне?

Левон захихикал:

– Ага. Особенно бабо Софа!

Астхик, расположившись напротив Гево, наблюдала за тем, как он, совершенно не уставая от однообразия своего занятия, собирает пирамидку или играет в гальку. Иногда он умудрялся совмещать два своих любимых занятия: складывал камешки в форме своей деревянной пирамидки, в строгом соответствии с цветом и очередностью колец. Однажды Левон, устроившись рядом, выложил свою пирамидку, где в самом низу располагался ряд из десяти оранжевых камешков, далее по убывающей следовали остальные цвета. На самом верху одиноко лежал белый камешек.

Гево, изучив пирамидку, обиженно закричал.

– Что не так? – переполошился Левон и собрался было уже сгрести гальку, но брат его опередил. Ненадолго зависнув рукой над его пирамидкой, он провел пальцами между синим и коричневым рядами, разделяя их.

Левон чуть не поперхнулся. Волнуясь и торопясь, он сложил камушки таким образом, как показал ему старший брат.

Теперь пирамидка выглядела так, будто ее разрезали ножницами, отделив низ от верха. Гево, изучив ее, одобрительно загулил и вернулся к своему занятию. Возликовав, Левон побежал рассказывать родным о случившемся, Астхик же решила сверить узор его пирамидки с таблицей-напоминкой, которая висела на стене. Синий – восемь, коричневый – шесть. Между ними – пустота, седьмой ряд отсутствует...

– Я же говорил, я же говорил, что семерка бесцветная! Гево это чувствует, Гево это тоже знает!!! – подпрыгивал нетерпеливо Левон, подталкивая в спину всполошенных деда с бабушкой.

– Чудны дела твои, господи! – развел руками дед, изучив пирамидку и наконец-то сообразив, что именно ему пытался толковать внук. Бабо Софа, расцеловав Левона в обе щеки и отправив воздушный поцелуй Гево, на радостях принялась за песочное тесто. «Будут вам миндальные рогалики к ча-а-аю!» – напевала она, рубя холодное сливочное масло острым ножом.

– Может, к кофе с молоком? – хитро прищурился Левон.

– Не наглей! Вчера пил!

Астхик захихикала.

– Надеяться на чудо, конечно, бессмысленно, мы не в том положении, чтобы тешить себя наивными иллюзиями. Но по крайней мере теперь есть какие-то зацепки, которые позволят вам, в первую очередь полагаясь на чутье Левона, по-

пасть в эмоциональную волну его брата, – объяснил недавно доктор.

Семья Левона изо всех сил притворялась, что не верит в чудеса. Но Астхик знала, что это не так. Даже самое незначительное, самое крохотное изменение в поведении Гево воспринималось его родными предвестником чего-то большого, обнадеживающего, прекрасного. Астхик их понимала. Она сама очень хотела, чтобы случилось несколько чудес. Чтобы папу выпустили раньше. Чтобы тетка полюбила маму. И чтобы нашелся новый дом, с большим яблоневым садом, где круглый год будут расти незрелые яблоки и где они счастливо будут жить всей своей семьей.

Лев Усыскин

Город дышит

Попытка святочного рассказа

– Не надо больше. Слышишь, Тема, – не надо. Это уже театр какой-то – я не хочу так. Зачем портить то, что было, у каждого своя жизнь теперь, правда. Видишь ли, мне теперь неинтересно все это... Ну, как бы тебе объяснить? Ну, неинтересно, и все тут. Считай, что меня нет, так будет лучше, ей-богу. Договорились? Прости, мне пора собираться, пока. Нет, не надо звонить, я же сказала... Ну, Тема, ну ты как маленький. Все, прощай.

На площадке четвертого этажа кто-то вывернул лампочку – синий промозглый полумрак охватил его тотчас же, едва лишь золотистый прямоугольник дверного проема сузился за спиной, сперва – в щель, а затем и исчез вовсе. Артем поправил воротник, нащупал в кармане куртки недисциплинированную россыпь мелочи, порывшись в ней двумя пальцами, отыскал ключи, провел указательным пальцем по неровной латунной бородке и после этого, кажется, успокоился со всем.

«Все путем, господа – бабы приходят и уходят, мирозда-

ние вечно».

Он пошел вниз пешком, шаркая подошвами о ступеньки, – пахло мусоропроводом, кошками, усталой отрыжкой коммунальных квартир, как только и может пахнуть в наших старых подъездах зимой – и лишь на изломе лестничного пролета между вторым и первым этажами мелькнул на миг нездешним покоем таинственный запах хвои. Кто-то уже выбросил отслужившую срок новогоднюю елку...

Эфемерный январский денек еще жил во всю прыть своих молочных полусумерек – канун Рождества зиял пустотой улиц, колючим, порывистым ветром и почти что полным отсутствием снега. Город высился под невидимым с тротуаров небом каменным серо-коричневым истуканом и словно бы ждал непонятно чего: прощения ли, гибели или, быть может, просто задорной музыки нетрезвого духового оркестра, расхлябанным маршем обходящего переулки...

На улице Артем достал сигаретку (осталось пять или шесть штук, с утра большой расход – нервы), понюхал ее и, наконец решившись закурить, принялся ощупывать себя в поисках запропастившихся спичек. Однако поверхностный досмотр результата не дал – Артем хмыкнул, остановился и начал исследовать содержимое карманов планомерно, один за другим – джинсы, джинсы сзади, куртка, куртка верхние, куртка внутри слева – и тут только вспомнил, предельно отчетливо, как вертел в руках злополучный коробок, препираясь с Зоей на кухне – подбрасывал его вверх, вращал, зажав в

углах большим и указательным пальцами, – и, наконец, с шумом прихлопнув ладонью левой руки, отшвырнул на стол...

Порывы ветра превращали улицу в подобие некоего музыкального инструмента – расщепляясь клапанами подворотен, воздушные струи врывались в колодцы дворов, порождая всякий раз какой-то особенный свист. Когда ветер смолкал, становилось тихо, как в фильмах Антониони – лишь звуки собственных шагов, чуть усиливаясь при отражении от штукатуренных стен домов, достигали слуха, словно бы отторгнутые негостеприимным пространством.

Все-таки хотелось курить, Артем прoderнул тоскливым взглядом пустую улицу, еще раз убедившись в том, в чем и так был вполне уверен: стрельнуть огоньку было решительно не у кого. В соседней подворотне девочки шести-семи лет выгуливали щенка таксы, не спуская его, однако, с короткого поводка, отчего тот все время норовил встать на задние лапы. По четной стороне – два припаркованных *vis-a-vis* автомобиля неопределенного цвета, годящиеся, очевидно, Артему в дедушки, – вот все, что напоминало о присутствии людей во Вселенной. «Дойти, что ли, до Владимирского, там киоски работают?» – подумал Артем и тут вдруг увидел человека, совсем близко, на противоположной стороне улицы. Прислонившись спиной к стене дома, он стоял недвижно, напоминая какой-то странный элемент фасадного декора. Должно быть, по этой причине Артем не заметил его сразу, хоть их и разделяло от силы тридцать – тридцать

пять шагов. Уже переходя проезжую часть, Артем смог, наконец, разглядеть черты его лица. Резкие, обрывистые, как на комниновских иконах, углы глазниц, надбровных дуг и носа, равно как и вся поза его в целом – руки в карманах пальто, правая нога согнута в колене и уперта подошвой в стену, а также еще что-то – неуловимое и трудно выразимое словами – выдавало в нем дитя Кавказских гор, конкретно – грузина или, быть может, в гораздо меньшей степени, абхаза либо чеченца.

– Эй, друг, огоньком не обрадуешь? – подойдя почти вплотную, Артем едва ли не выкрикнул, стараясь перекрыть порыв ветра. – Спички забыл в гостях.

В ответ византийский лик медленно повернулся в профиль, медленно смерил Артема взглядом, исполненным детского какого-то любопытства, после чего правая рука его медленно извлекла из кармана Ronson великолепной гонконгской ковки и, щелкнув, высекла огонь, вспыхнувший капризным, уязвимым язычком. Артем прикурил. Одновременно с этим кавказец достал из левого на этот раз кармана своего драпового пальто пачку Camel, заглянул в нее, затем скомкал в кулаке и с раздражением, словно бы какую-то настырную и надоедливую тварь, отшвырнул к поребрику.

– Послушай, у тебя есть еще? Дай мне.

Артем протолкнул еще одну сигарету, кавказец запалил ее тем же язычком пламени и тоже затянулся. Некоторое время оба курили молча, в упор глядя друг на друга.

– Вэтэр сэгодня, да? – нарушил молчание кавказец с рассеявшим все сомнения сильным грузинским акцентом. – Холодно, да?

Артем кивнул.

– Чего на улице делаешь?

Артем пожал плечами:

– Стою.

– Я вижу. Стоишь, а не лежишь. Понятно. Я спрашиваю, почему дома не сидишь, в тепле.

«Пидор он, что ли, – чего прицепился...» – подумал Артем про себя, но вслух произнес вполне нейтральное:

– С бабой поругался, вот и на улице.

Лицо грузина вдруг оживилось и, потеряв долю своей монументальности, как бы согрелось на несколько градусов:

– Да, правда? Я тоже. Такое вот совпадение, правда...

Теперь уже Артем с интересом посмотрел грузину в глаза. «Врет, поди,» – подумал он.

– Абидна. Красивая! Абидна, да... Говорила – любит, а сама... Да, нельзя доверять женщине...

Артем усмехнулся:

– Эт-т-ты правильно сказал. Все они... – Артем щелчком избавился от окурка, выбранного едва ли не до фильтра: светящаяся точка стремительно описала вбок короткую настильную параболу и, вконец рассыпавшись в искры, исчезла на мостовой.

– Послушай, я тебя спрошу: ты местный? Ну, из этого го-

рода, да? Здесь живешь?

– Ну да, живу, а что? – Артем насторожился.

– Послушай... Меня Мегона зовут, я из Сухуми. Город такой, знаешь? Был когда-нибудь?

– Не-а...

– Хороший город... Только мне туда дороги нет. Понял, да?

– Беженец, что ли?

– Да, бэженец... Десять лет бэженец, – грузин как-то странно усмехнулся. – Послушай, твое имя как?

– Артем.

– Вот что, Артем. Ты сейчас домой торопишься, да?

Артем вновь насторожился:

– Да нет, не особенно, чего мне дома-то делать – мать да бабка, они настроение не больно подымут, скорее – наоборот. А что?

– Послушай... – Мегона на миг о чем-то задумался, затем, чуть прищулив свои сапсаныи глаза, чеканными перебежками закончил фразу:

– Послушай, я сейчас ужинать хочу, так... Тут есть место одно – недалеко, там меня знают, понял?

– Да, ну и что с того?

– Что... Мне одному скучно, понимаешь, хочу тебя пригласить, так? Пойдешь?

Артем почувствовал, как нарзанный холодок неопределенности быстрой судорогой пробежал по телу:

– Спасибочки, конечно, только у меня бабок нет, голяк, стало быть, на сигареты – и то не наскрести...

Артем развел руками. В ответ Мегона улыбнулся – впервые за время их общения – короткой улыбкой великодушия:

– Э-э-э, ты не понял, да? Я тебя как друга приглашаю, так – не надо денег. Мегона будет платить за все, тебе – не надо, понял? Ну что? Согласен, как?

После Артем говорил, что две подходящие случаю пословицы, про бесплатный сыр и сладкий уксус, пришли в голову одновременно – в один и тот же миг, словно бы единым блоком – как ни пытался он, любопытства ради, выяснить, которая из соответствующих эмоций все-таки была первичной. Впрочем, последующие события в заметной степени очистили Артему память от сонма второстепенных деталей, разрыхлив тем самым почву для всяких домыслов и легкого флера преувеличений – что, откровенно говоря, и делает наши устные повествования сколько-нибудь интересными для слушателей. Так, например, Артем начисто забыл адрес ресторанчика, куда они отправились, – запечатлелось только то, что шли по Колокольной улице, потом свернули куда-то и шли еще, довольно долго. Дордогой Мегона рассказывал какие-то невнятные истории про своих друзей, в которых фигурировали трудновообразимые денежные суммы и автомобили, все сплошь почему-то – Mitsubishi Pajero. Наконец они пришли, тучный усатый метрдотель поздоровался с Мегоной за руку, что-то пробубнил ему на ухо, от чего тот

раздался широченной улыбкой, обнажившей стаю золотых зубов, чередовавшихся со свободными от коронок собратьями с регулярностью фортепьянной клавиатуры:

– Для вас, Мегона Зурабович, кабинет свободный имеется, да, обслуживаю лично, так сказать... Постоянного клиента...

– Спасибо, спасибо, Сэрожа. – Мегона снисходительно похлопал его несколько раз по плечу. – Давно не виделись, да!

– Давайте-ка я вас провожу, и молодого человека тоже.

Вслед за Сережей, ушедшим вперед утиной, разлапистой походкой давно и неудержимо полнеющего человека, они прошли мимо гардероба какими-то закоулками в зал, пересекли его наискосок, вновь оказавшись среди закоулков, где пахло особого типа борщом, который делали исстари в советских ресторанах и который никогда не варят наши бабушки, и, наконец, очутились в крохотной комнате с сервированным на четыре персоны столом посередине. Здесь Сергей их покинул.

Они разделись. Сняв пальто и сбросив его грудой на спинку свободного стула, Мегона остался в кремовом клубном пиджаке и таких же брюках, однако, слава богу, без галстука – иначе комизм сочетания был бы столь вопиющ, что, помимо воли, мешал бы восприятию слов грузина, буде они произнесены со сколько-нибудь серьезными интонациями. Он поерзал слегка на своем стуле, словно бы проверив его

устойчивость, затем поднял глаза и взглянул на Артема с уже знакомым ему сапсаньим прищуром. После он вдруг рывком снял пиджак и сложил его уверенными движениями продавца супермаркета на стул, однако Артем все же успел при этом вполне явственно и однозначно разглядеть черную, с крапчатыми боковыми накладками рукоять пистолета.

– Все в порядке, друг?

Грузин усмехнулся.

– Угу, – ответил Артем тоном, каким общаются между собой беззаботные синички, облюбовав куст барбариса в городском парке. – Все хорошо, мне здесь нравится...

Вернулся Сергей, волоча две толстые коленкоровые папки:

– Устроились? Хорошо. Итак, что будем заказывать?

Мегона придвинулся к столу, освободил две верхние пуговицы своей темно-зеленой, в черную полосу, рубашки, на мгновение сверкнув широкой, как личинка майского жука, золотой цепочкой, и взял в руки меню:

– Послушай, дорогой, скажи там волшебнику вашему, чтобы сациви нам сделал, ладно? Как в прошлый раз, хорошо, да?

Метрдотель расплылся в улыбке:

– Я постараюсь, Мегона Зурабович, да, постараюсь, все, что могу, да... Иван Борисович, он мастер, конечно, мастер, да, но очень уж капризен... Но я постараюсь его уговорить, скажу, для постоянного клиента, да. Пить что будете, Мегона

Зурабович? А аперитивчик какой – чинзано или мартини?

– ...Отец ему сказал, понимаешь... Вот ты мог бы так, если отец тебе сказал, а? А дядя у него тогда главным санитарным врачом Зугдиди работал. Я тебе скажу – это почти султан турецкий, да! Ты ешь, ешь еще – этот их Иван Борисович, да, он хорошо сделал, только луку много, моя мама бы его научила. Ну ладно. Вот слушай, мой племянник Бадри... Э-э-э, да что с тобой, ты как: себя контролируешь, да? Ну хорошо, хорошо, это Ахашени, мягкое вино, у нас его женщинам дают, в самом деле! Сладкое, да. Ну, слушай дальше – я тогда от них в Сухуми ушел, чего мне было дожидаться, понял, да? Еще тебе скажу – у Мамуки нашего аналогичный случай был – нанял он двух курдов дом ему строить, да... Ты меня слушаешь? Ну, вот, приезжает один раз посмотреть, как работают и все такое, подходит к дому – а там людей полно, машины, милиция. Ну, он как издалека это увидел, еще не знал, что к чему, – зашел в парикмахерскую и позвонил оттуда Гоги-маленькому и кой-кому из родственников, чтоб приехали, а те уж с районным прокурором связались – он как раз дочь месяц как замуж выдал...

Поток чужой речи мягко рассыпался, едва достигнув ушей Артема, блестками незамысловатых слов. Было жарко – венозный сок Ахашени делал свое дело. Вспотевшее лицо Мегоны вновь вернуло себе давешнюю иконописность, прочем, на этот раз – иконописность деревянную, против

прежней иконописности каменной, фресковой, выцветшей от времени и атмосферных кислот.

– ...Зураб и говорит ей – ай, езжай куда хочешь, с кем хочешь – но ты мне больше не сестра, понятно, да? Вот тебе пятнадцать тысяч, и чтобы ноги твоей...

Похождения бесчисленной череды знакомых и родственников, с именами, но без фамилий, из которых, впрочем, будто ножницами, было вырезано все, что сколько-нибудь могло касаться рассказчика, погружали Артема словно бы в некий теплый сказочный клейстер бытия. Было ужасно лень шевелиться, лень протянуть руку и стряхнуть пепел, оседлавший сигарету губчатой бородавкой.

– Послушай, Артем, ответь мне одну вещь, хорошо?

Артем с хрустом сжевал размашистый петрушкин хвостик.

– Ага, я тебя слушаю, да.

Лицо его горело.

– Вот послушай. Вот я живу так – мне никого не надо? Сам себе руководитель, так? Так, я говорю? Ты почему смеешься, а?

Артем успокоился.

– Нет, ничего, я слушаю, продолжай, сам себе руководитель...

Мегона весь оживился, от прежней его невозмутимости не осталось и следа:

– Скажи мне, ты здесь родился, да? В Петербурге?

– Ну да, вроде этого.

– Недобрый этот город, вот что. Недобрый. – Мегона вытер салфеткой пот со лба. – Я тебе так скажу: я в разных городах жил – и в Сухуми жил, и в Ростове, и в Киеве – везде как-то... Свои все. Приедешь – тебя накормят, спать уложат. Вот ты, например, в Сухуми приедешь – не сейчас, конечно, а когда войны нет – и живи хоть неделю, хоть месяц, хоть год живи – никто слова тебе не скажет. А здесь – все каменные какие-то. Непонятно мне это, непонятно, да.

Устало откинувшийся на спинку своего стула, он едва возвышался теперь над заставленной разноцветными объедками скатертью, несмелый, нестрашный, какой-то игрушечный смешной черноволосый носатый человечек, тщетно возжелавший создать посреди январского Петербурга крупицу своего причерноморского детства. Артему вдруг стало смешно, ужасно смешно: смешными казались застольные рассказы грузина, его акцент, его Макаров в пиджаке. Пустые тарелки на столе также вызывали смех, равно как и давно просящая замены пепельница. Он с шумом встал, взялся обеими руками за край стола и взглянул на Мегону сверху вниз:

– Послушай, друг, брат, как тебя. Видишь ли, в жизни каждого мужчины порой наступает момент, когда не сблевать невозможно. Но я не об этом. Я о трансцендентальной вибрации бытия. Вся она здесь тут: плещется себе вот в этом, кстати, данном стакане кинд... кинзм... а – да! Ахашени,

вот! Просто ты, сердечный мой друган, не в полной степени улавливаешь ее сквозь поры своего пид... пиджака... Да, об этом же, кстати сказать, учили нас великие мыслители древности, закладывая камень за камнем в основание свай этого поношенного, как проститутка у «Прибалтона», города, закладывая фундаментальные... И, вообще, закладывая по-черному, да... Так вот, силясь пролить свет на отсутствие среди нас женщин в качестве объекта приложения, приходим к пониманию естественности настоящего положения. Блин, стихами запищало, ну ничего. Как говорил наш прапорщик, не все то ствол, что с дыркой. – Артем попытался восстановить равновесие, делая странные взмахи руками. – Так что, дружище, разгадка – в насущном шевелении всего вокруг, начиная с архитектурных экстремальностей местного барокко. Поверь мне, брат, – еще три века назад известные лица, опыленные властью, силились создать тут рай. Им это было – как два пальца обоссать, ан нет – тут же все расползлось квашнею, потому что не учли – дышит! Все вокруг шевелится, дышит...

Артем выпрямился и обвел взглядом все вокруг, как бы в подтверждение своих слов:

– Что же ты, не видишь, что ли? Повсеместно!

Он с удовлетворением отметил, что предметы в комнатке – мебель, лампа, цветы в высокой – раструбом – вазе действительно словно бы шевелятся чуть-чуть. Особенно же яв-

но бросалось в глаза шевеление посуды на столе – кофейные чашки прямо-таки гуляли по скатерти, одна, кажется, наиболее наглая, так вот и сиганула со стола прочь, едва Артем остановил на ней взгляд.

– Это ведь черт знает что, дружище! Приходится все время быть начеку!

Он повернулся кругом, прищурился, стараясь уловить колебания стеной обивки:

– Своего рода подспудная сейсмическая активность, особенно вредит беременным женщинам и гостям нашего города...

Он сделал несколько шагов – стены кабинета словно бы расступились, пропустив его в узкую галерею, освещенную оранжевыми бесстыжими фонарями. Один из них все время мигал, издавая при этом мышинный писк. Держась за стены, Артем двинулся вперед шаг за шагом, как вдруг левая рука его утонула в чем-то мягком, вслед за этим часть левой стены отдернулась, подобно театральному занавесу, и кто-то толстый, бородатый и во фраке посмотрел на него сверляще. Артем отпрянул прочь и, как ему казалось, побежал – однако же, мгновение спустя, вдруг запутался в ворохе висящих шуб. Расталкивая их руками, он наконец выбрался к гардеробной стойке, возле которой, выгнувшись горбом и строча вокруг ненавидящим взглядом, стояла гепатитно-рыжая кошка. Артем протянул к ней руку – кошка дернулась и в два прыжка ушла на бельэтаж вешалок. «Необходимо вернуть ее

на место, определенно», – подумал он и полез было следом. Однако кошка, по всему, превратилась в дамскую меховую шапку, и пролить свет истины в данном вопросе в полной мере могли лишь феи, да и то в полнолуние. Чтобы освободить руки, Артем водрузил шапку на голову и, осознав вдруг в себе способность проходить запросто сквозь препятствия, смело шагнул вперед, не обращая внимания на предательски путавшиеся под ногами пальто и куртки. Феи были где-то рядом: они сидели за столиком вчетвером, белые, нарядные, как балерины – Артем бережно поместил свой меховой трофей среди хрустальных бокалов и вазочек с мороженым. Феи радостно повскакивали со своих мест, дружно захлопали в ладоши и, как показалось Артему, запели. Больше он не помнил ничего.

Очнувшись, он долго не мог совладать со своим телом – его влекло, несло куда-то, по пути закручивая. Артем сперва отнес это на всегдашний эффект алкогольного отравления, но чуть погодя понял, что и в самом деле куда-то движется. Было темно, пробудившийся слух ловил урчание мотора. Артем приподнялся, цепляясь руками за дерматины, сознание возвращалось по крупицам, приступами тошноты и головокружения.

Он понял, что едет в такси на заднем сиденье. Один, если не считать водителя. Включенное радио транслировало рождественское богослужение в Спасо-Преображенском со-

боре. Почувствовав, что пассажир подает признаки жизни, водитель сделал радио тише:

– Эй, как там?

– Плохо... – как раз в этот момент вновь напомнила о себе перистальтика. – Где я? Какой сейчас день?

– Седьмое января тысяча девятьсот девяносто третьего года, четверг. Что еще спросите?

Артем задумался.

– Куда я еду?

– В Пушкин, на вокзал.

– А откуда?

– С Васильевского, с Восьмой линии, там тебя, как бы сказать помягче, погрузили...

– А как я туда попал?

Артем тщетно пытался восстановить недостающие фрагменты в цепи событий.

– Этого уж я знать не могу. Попал и попал, дело прошлое, – таксист, казалось, посмеивался.

– Но мне не надо в Пушкин! – наконец выдавил из себя Артем, мобилизовав все имеющиеся ресурсы – физические и моральные. В ответ таксист расхохотался мелким, рассыпчатым, как горох, смехом:

– Ладно, дружище, сиди себе – дорога оплачена. Мне приключений не надо, пойми: когда пушку к виску ставят, да еще бабки отстегивают по-царски, я тогда как шелковый – кого хочешь спроси. Зачем мне неприятности, правильно?

Во. Так что – едем в Пушкин.

Он принялся насвистывать что-то.

Артем посмотрел в окно – ночной невеселый город проступал редкими огнями. Проезжали площадь Победы – в свете прожекторов во все стороны скалились нелепые аникушинские чудовища. «На кой хрен мне туда?» – подумал Артем сквозь очередной приступ тошноты. Затем махнул рукой и вновь откинулся на спинку сиденья: «А впрочем – ладно, в Пушкин – так в Пушкин!»

Юлия Ефременкова

Трамвай в сочельник

В тринадцать лет Саша перестала верить в Деда Мороза, а адресатом новогодних запросов назначила кремлевские часы. Она загадывала им разное: поездку в Париж, музыкальный центр, ботинки «Доктор Мартенс», бесплатное поступление в университет, здоровье для бабушки и влюбленно-го в нее мужчину, который предпочел бы футболу просмотр Акиры Куросавы или чтение Буковски за бутылкой хорошего вина. И не умереть бы, не умереть бы в этих новых годах. Часы на Спасской башне желания исполняли исправно, но как только она переехала в Берлин, оказалось, что границы существуют не только в головах и картах, но и в территории чудес. Возможно, она пила не то шампанское или надо было встречать Новый год с курантами, но по берлинскому времени, или повесить на елку того космонавта, с которым перемигивалась с двух лет. Три года Саша загадывала, что выучит немецкий в совершенстве и напишет роман, про который Дмитрий Быков скажет «бомба», а Галина Юзефович забудет про «Маленькую жизнь». А тот мужчина, который футболу предпочитал просмотр Акиры Куросавы, должен был как-нибудь выйти из бара, заглянуть в книжный магазин и выбрать ее, а не нового Иванова. Немецкий Саша

не выучила, роман не написала, и даже желание «не умереть бы» исполнялось как-то не так. Умирала, несколько раз за три года уже умирала, но все же продолжала просыпаться и выходить из квартиры в Берлин.

Бабушка в детстве пугала Сашу, что та тоже скоро состарится и не заметит жизнь. «Так... Несколько платьев сменяешь, покружишься, в зеркало посмотришься пару раз – и конец». Саша не вслушивалась серьезно в бабушкины монологи о скоротечности дней, но именно в Берлине заметила, что время замедлилось, освободилось, но в итоге пошло быстрее. «Год, два, три. Ну хоть что-нибудь уже выходи. Учись, немецкий, пишись, роман, живи, Саша, люби мужа, не умирай», – приговаривала она над адвент-календарем за семейным ужином в немецкое Рождество. Родственники мужа в честь такого праздника напивались кипяченым вином, поправляли медальки «За удачную интеграцию в Германии» и готовили Саше экзаменационные вопросы о планах на лето и оставшуюся жизнь.

– Не знаю, – не дожидаясь их реплик, начала она. – Может, кота заведу для моего кота. Или уиппета серого. Нет, детей не хочу. Не знаю, может, в Тарусу поеду или в Таиланд. Не знаю, может, вагоновожатой в Берлине стану или книгу напишу. Вот не учится у меня немецкий. Тошнит уже от него. Три года ему посвятила. Лучшие годы свои!

Муж, из-за которого Саша и оказалась в Германии, за любым застольем с родней всегда уходил в телефон, да так да-

леко, что каждый раз потом уверял, будто ничего не слышал, ничего не помнит и вообще хорошо время провел на сайте Ebay. На этот раз он, видимо, ушел туда же, потому что защищаться перед семейной комиссией не помогал.

– А я говорила, сразу надо было на немецкий вам с Мишей переходить!

– А я говорила, нечего на эти курсы немецкого ходить – в бар пойдешь работать и заговоришь!

– Да что там коты. Вы детей рожать когда будете? А форшмак с оливье совместим? Ты или рожай, или работать давай выходи. Мы тоже там были юристами-экономистами – ничего, перестроились как-то.

– Хумус надо на холодец мазать!

– Ах, Люся! Мы же забыли гуся приготовить! На Рождество немцы едят гуся!

– Ты, Сашка, просто с русскими кончай общаться, и будет все хорошо!

С некоторыми русскими Саша решила закончить общаться прямо сейчас. Не дожидаясь коллективного выковыривания изюма из штоллена и выхода мужа с Ebay, раздраженно хлопнув дверью, она выбежала в унылый двор на границе Марцан – Лихтенберг. Вечный ноябрь, а не Рождество. Вечные панельки. Вечный промозглый дождь. Сбой во времени у нее произошел, возможно, из-за отсутствия зимы. Организм требовал снега и убийства болезнетворных микробов хорошим морозом, но вместо этого серый дождь растекался

по Саше, превращая ее в женщину средних лет с зеленым цветом кожи. Она оглядела празднично украшенные окна в одинаковых домах и почему-то вспомнила школьную подружку Олю, которая не отличалась терпеливостью и любила ставить елку уже в октябре.

– Девушка, простите, но у вас колготки порваны! – обратился к Саше куда-то спешивший и обогнавший ее человек.

– Ви битте? Я не расслышала. Ихь хабе нихьт гехерт.

– Это не очень красиво, девушка. Праздник же! – непонятно, серьезно или шутливо ответил ей мужчина. Сам он был одет весьма нарядно – лаковые ботинки, сиреневый пиджак, бархатная шляпка и шелковый шарф. Наверное, спешил в оперу. Хотя нет, в пухлых руках обнаружился пластиковый пакет с затертой надписью «Лидл», и сжимал он его так, что родственная национальность распознавалась без слов. Так же, видимо, как и Сашины рванные колготки, которые она пыталась замазать лаком для ногтей. Нет, они не в оперу.

Саша услышала грохот трамвая и тоже начала спешить, догонять незнакомца. Ехать Саше, в принципе, было некуда, так как ключи от дома остались у мужа, но об этом она подумала уже в трамвае, который пришел на остановку совершенно пустым. Человек, обеспокоенный Сашиными колготками, сразу уселся у окна, а сама она, растерявшись от такого выбора свободных мест, попробовала то одно, то другое и поплелась к третьему, вспоминая, что надо купить в авто-

мате билет. Хотя неужели в сочельник в трамвае окажется контролер? Святой же праздник.

Трамвай как-то сразу успокоил Сашу, ей стало хорошо от того, что здесь нет ни елки, ни гусей, ни ангелов, ни песен про Святую ночь. Нет никакого Рождества, а скорость движения ускоряет жизнь и замедляет Сашино время. А что, если и правда стать водителем трамвая? Отличная же будет интеграция! Саша Беркович – водитель трамвая. В Подмосковье мечты такие, конечно, в голову ей не приходили, так как в жизни были сплошные маршрутки. «Деньги при входе или при выходе? Дверью не хлопайте. Деньги будете передавать? С тысячи сдачи нет – выходите. Остановите здесь. Нет-нет, вот там!» Водитель трамвая – Саша Беркович. «Во что бы то ни стало мне надо выходить. Нельзя ли у трамвала вокзай остановить?»

– Девушка, да что вы там стоите? Присаживайтесь!

Недавний собеседник чувствовал себя в трамвае как дома. Достал из пакетика «Лидл» вино, бутерброды, фрукт kakі и мандарин.

– Не надо грустить, вот, угощайтесь! У меня такое поганое настроение было – пойти некуда, а спать не хочется. Знаете, так праздники раздражают, тем более чужие. Включил себе «Нелюбовь» Звягинцева, думаю, самое время. Открыл вино, пожарил картошку, а тут звонок: «Дуй, Вася, к нам, у нас Володя Сорокин здесь. И настойку польскую прихвати». Читали Сорокина? Зараза ведь, как все точно угадал. Как все по-

нял заранее. Вот же... Мастер! Помните «Метель»? Текучая бесконечность жизни, которая в любой момент может закончиться в бесконечных русских полях. Дорога чертова... Сожрет тебя, не задумываясь. Только в России такое ощущение, правда? Здесь идешь по жизни прямо, спокойно, и всю жизнь тебе еще фонарики рождественские подсвечивают.

Саша взяла мандарин, фрукт *какі*, возможно, не мыт, вино из горла негигиенично, а бутерброд... Ну, мало ли, в нем берлинские кишечные палочки?

Сорокина Саша несколько раз в Берлине встречала и даже минут десять сжимала его правую руку, после чего год не могла ничего написать, кроме статусов в фейсбуке про тоску по хрустящим огурцам и сочной хурме. Она была уверена, что Сорокин тогда что-то такое с ней проделал, что-то перелил из нее в себя, надавил на точку на указательном пальце, известную только ему, после чего она, как замороженная, как самая послушная из свидетельниц Иеговы, поплелась домой к ноутбуку и стерла полромана, повесть, рассказы о любви. «Вы слишком женственны, слишком хрупки, чтобы писать серьезную прозу, а ерунду за вас напишут и так. Будьте умнее – рожайте красивых детей. Не теряйте время». Но дети по желанию Сорокина никак не рождались – вытекали из Саши кровавыми сгустками, выходили ошметками, похожими на куриную печень. А гинеколог говорил: «У вас слишком низкий гемоглобин, фрау Беркович. Вам нельзя пока детей». А время идет и теряется. Нет ни детей, ни романа. «Ты, Са-

шенька, – говорила бабушка, – скоро тоже состаришься. Не успеешь оглянуться, как подумаешь – да куда же делась вся моя жизнь? Быстрее, время уходит, но эта мысль не даст тебе жить. За что хвататься, чтобы не упустить?».

А что, если часы на Спасской башне не виноваты в том, что не исполняются чудеса? А что, если все дело в Сорокине? Может, это он виноват в том, что время уходит, роман не пишется, а серый дождь разводит по телу старость, как Баба-яга и Кощей Бессмертный колдуют и воруют в сказках Новый год?

– А можно с вами к Сорокину?

– Да, пожалуйста, ради бога, поехали. И вообще, давайте сделаем вид, что сегодня Новый год! С новым счастьем!

«Действительно счастье, – подумала Саша, – увидеть Сорокина до Нового года и отрезать ему палец. Загадать желание кремлевским часам и написать, наконец, что-то непохожее на кровавые ошметки неродившихся людей».

– А я Саша Беркович. В Германии три года. По профессии юрист, – рассказывает она о себе механический текст, заученный на бесконечных курсах немецкого.

– А я Василий. В Германии давно. Художник, поэт. Сейчас, правда, паузу в творчестве сделал, на зубного техника учусь.

Василий снимает шляпу, и Саша вспоминает, что встретила его недавно в инстаграме с бокалом вина у Хафеля и на поэтических вечерах, где он читал без всякого выраже-

ния медленные стихи про берлинский марафон. У него тогда тряслись губы, и понять она ничего не могла, так как думала все выступление: «Почему же он не побреется налысо? Зачем трусливо прячется в нелепую шляпу? Вот побрился бы, и совершенно другие пошли бы стихи».

– А вы почему, Василий, паузу в творчестве сделали?

– Да дерьмо я пишу. Раньше ничего, был потенциал. Печатался даже. А потом посмотрел на себя со стороны... Сорокин вот, кстати, сказал, что по моим стихам сразу видно – мне бухгалтерией и налогами заниматься надо. Интонация такая у меня.

– А за руку он вас, Василий, не держал? А гемоглобин у вас как?

Оказалось, что и его Сорокин держал крепко за руку и жал указательный палец, после чего Василия несколько дней рвало, а потом началась бессонница. Домашний врач посоветовал пить ромашковый чай и найти хорошего психотерапевта – наверняка такое самочувствие обусловлено тоской по родине. Психотерапевт прописал Василию таблеточки и физическую активность на свежем воздухе, и нечего писать стихи. Саша хотела высказать предположение, что тоска по родине ни при чем, а все дело в Сорокине. Что Сорокин колдун и с помощью рукопожатия забирает у литераторов талант, а ненаписанные тексты переливает в себя. Не зря же у него во всех книгах стиль такой разный. Саша высказать ничего не успела, так как трамвай остановился на Александерплац,

но не на привычном месте, а напротив деревянного столба с вращающимися ангелами, на который, покачиваясь, мочился высокий парень с цветными дредами. Двери открылись, и парень, одной рукой застегивая ширинку, а другой приветствуя вагоновожатого, вошел в трамвай и сразу объявил:

– Билеты, пожалуйста! Готовьте ваши билеты!

Саша метнулась к выходу, но выбежать не успела. Двери закрылись, а контролер повторил ей в лицо:

– Билеты, пожалуйста! Готовьте билеты!

Он не был похож на контролера и выглядел, скорее, как растаман-дауншифтер из Гоа, который на недельку приехал на родину по делам. В России Саша хвасталась своей проницательностью, сверхспособностью считывать характеры людей, но в Берлине оказалось, что границы существуют не только в головах и картах, но и в таланте видеть личности. Ее дар на немцев не распространялся.

– С праздником, уважаемый! Давайте выпьем! Ваше здоровье! – поднимая бутылку в сторону вошедшего, кричал Василий.

– Ваши билеты, пожалуйста! Где ваши билеты? – монотонно повторял контролер, – если у вас нет билетов, то я выпишу вам штраф.

– Да иди ты в жопу, какой еще, на хрен, штраф? Сегодня праздник! Давай выпьем! – зазывал Василий, который перестал прикрывать шляпкой лысину, снял шарф и пошел с пакетиком «Лидл» прямо на контролера. Сейчас он не был по-

хож на поэта с Хафеля, а выглядел точно как Колян, Сашин сосед по даче на Рузе, который в алкогольном угаре выходил с топором по лесу погулять и кричал, то ли себе, то ли лесу: «Убью, проклятый!»

Это был первый раз, когда Саша попалась контролеру без билета, и первый раз, когда Василий бил человека в лицо. Он и представить не мог, что способен на такое. Хорошо, что бутылка упала и покатила по трамваю в противоположную сторону, что не пришлось ее поднимать над головой контролера, убивать его за грязные дреды и за отказ не выписывать в честь праздника штраф. Василий не видел лица противника: его словно окатило липкой волной с тошнотворным запахом заблеванных станций метро. Стало дурно, а перед глазами, как битые новогодние игрушки, замелькали осколками те неприятные фрагменты, которые Василий гнал обычно из головы в сон. Рыжая мертвая жена смотрит из гроба, ожидая, когда он сдержит обещание и перевезет их с сыном из Воронежа, наконец, в берлинский дом. Только обещал он это до две тысячи двенадцатого года, а теперь-то как? Жена умерла от рака, сын переехал куда-то сам, а он, Василий, бегает в костюме «Пума» на берлинских марафонах и читает об этом стихи. Он бил не в лицо другого человека, он бил в одиночество, бессмысленность, пустоту, неудачливость своей сорокапятилетней жизни. Что-то хрустит, падает – семидесятипятилетняя мама, которую он навещает раз в год, зовет яркими бусами на новогодний «Наполеон», но Василий

не может дойти, — он тонет в гигантском русском поле, которое никогда не перейти, и ничего не понять.

Контролер от неожиданного удара потерял равновесие и покатился вслед за бутылкой, перестал повторять «Билеты, приготовьте ваши билеты, иначе выпишу штраф». Водитель трамвая объявил остановку, открыл двери и выпустил пассажиров у праздничной телебашни, которая переливалась из зеленого в синий, а из синего — в желтый, возносилась острой пикой в темное небо. «Как макушка на странной елке, — подумала Саша, — Берлин же как елка».

— Я шляпу забыл в трамвае, — дрожащим голосом, чуть слышно сказал Василий.

— Да ну ее! Бежим!

Они бежали в сторону Николаифиртель, туда, куда не идет трамвай. Бежали, взявшись за руки, почувствовав себя героями тупого боевика, сбросив несколько лет и множество правил. Пробегая мимо Красной ратуши, Саша заметила, что часы показывают без минуты двенадцать.

— Быть может, немецкое Рождество — это и правда как русский Новый год? Надо загадать желание, следя за стрелкой часов! — предложила Саша. — В Новом году я хочу выучить немецкий, написать роман и остаться живой!

Василий сел на корточки перед часами и зашептал что-то свое.

Ая эН

Я вел себя хорошо и хочу собаку

«Дырагой ДедМороз!» – напечатал Гоша. Программа немедленно подчеркнула весь текст красным, примерно так, как это делала учительница, когда находила ошибку. Только учительница ошибки исправляла, и сразу было понятно, что именно не так. А как понять, глядя на экран? Гоша не знал. Звать старших было нельзя, ведь письмо Гоша сочинял особое, секретное. В прошлом году ему помогала мама, и что в итоге? В итоге вместо настоящей собаки он получил в подарок на Новый год заводного пуделя! А все потому, что мама торопилась и они не уточнили – «настоящую». Вот Дед Мороз и не понял.

– Не-е-ет уж! – прошептал Гоша. – На этот раз я сам. И опишу подробно. Тогда сработает!

Он внимательно перечитал написанное, по буквам, и сам все исправил: «ы» на «о» заменил, и пробел между словами «Дед» и «Мороз» вставил. Дальше пошло легче. Вскоре получилось вот что...

Дорогой Дед Мороз!

Меня зовут Гоша. Я учусь во 2 классе. Я вел себя очень хорошо и потому хочу на Новый год собаку. Только обязательно настоящую. Живую! Чтобы с ней

*можно было гулять. Чтобы ее можно было кормить.
Я буду о ней заботиться, обещаю! Всегда, всегда.*

За окном темнело. Снежинки приземлялись на подоконник, но их тут же сдувало ветром. Родители уехали за продуктами, и в доме было тихо-тихо.

Гоша перечитал письмо и остался доволен: все написано четко и ясно. Теперь остается распечатать на принтере, положить в конверт и бросить в почтовый ящик. Мишка Павликов, сосед по парте, сказал, что по электронной почте тоже можно. Но Гоша не знал, как это делается, так что решил старым, проверенным способом.

Обычной почтой, конечно, дольше. Особенно если учесть, что Дед живет далеко от их города...

Гоша посмотрел на дату в нижнем углу экрана: 12 декабря. Успеет дойти? А вдруг нет? А вдруг дойдет в последний день, и собаки кончатся? Гоша тяжело вздохнул и дописал:

*Дорогой Дед Мороз! Если вдруг у тебя закончатся
все собаки, ничего. Я согласен на кошку. Главное, чтобы
она была нормальная, а не игрушечная. Кошку тоже
можно кормить. И гладить.*

– Теперь точно все! – прошептал Гоша. – Только в конце надо написать «Целую, Гоша» или лучше «До свидания, твой Гоша». Да!

Он начал писать «до свида...», но вдруг его пронзила ужасная мысль: кошки тоже могут кончиться! Вдруг Дедушка получит письмо прямо перед самым-самым праздником?

Гоша закусил губу и продолжил:

Дедушка, если кошек тоже не останется в наличии, подари мне кого-нибудь другого, только обязательно живого. Медведя не надо, чтобы мама не испугалась. А енота или мартышку можно.

До свидания!

Твой Гоша

На улице совсем стемнело, зажглись фонари, и желтые лучи пробивались сквозь черные ветви деревьев, обещая волшебное, счастливое будущее. Папиной машины пока не было видно, но с минуты на минуту она могла появиться.

Не откладывая в долгий ящик, Гоша распечатал письмо, сунул его в заранее подготовленный конверт, а конверт – в карман куртки. Он успел выйти из программы и загрузить любимую игру прежде, чем вернулись груженные пакетами родители. Секрет удалось сохранить.

На следующий день Гоша опустил письмо в почтовый ящик. Теперь оставалось только ждать.

Невероятно, но факт: долго ждать не пришлось, события развивались стремительно. Уже в следующую субботу к ним в гости пришли бабушка и дедушка.

– Как ты вырос! Держи!

Гоша утонул в мягкой бабушкиной пушистой кофте, вынырнул, принял коробку:

– А что там?

– Сюрприз!

Обнял-уколотся дедушкой, принял от него вторую коробку:

– Спасибо!

– Ма, па, вы его совсем избаловали! Могли бы до Нового года оставить... – начала было мама, но бабушка только отмахнулась.

– Пахнет у вас вкусно! – заметил дедушка.

Еще бы не вкусно: в духовке доходил мясной пирог.

В общем, начиналось все, как обычно. Сейчас они пойдут в большую комнату, вместе распакуят подарки. Мама убежит дорезать салат, поручит что-нибудь папе...

– Настюш! – вдруг неодобрительно сдвинула брови бабушка. – Ты располнела? Или я ошибаюсь...

– Эмм... – замялась мама. – Ну... нет...

Бабушка обошла маму, рассматривая и надувая губы.

– Нет, ты точно поплыла, дорогуша! Что за безобразие!

– Насть, у тебя пирог горит! – громко сказал папа.

Мама убежала греметь духовкой. Папа вручил бабушке стопку тарелок и ушел помогать маме. Бабушка принялась накрывать на стол.

Гоша под руководством дедушки вскрыл первую коробку. В ней оказался шар со звездами и два деревянных уголка.

– Это проектор звездного неба, – объяснил дедушка. – Сейчас мы сообразим, как сложить из деревяшек подставку

и включим его.

Они принялись крутить дощечки так и этак.

Бабушка расставила тарелки и присела рядом, расправляя шнур от шара.

– Вить, ты заметил? Кошмар же!

– Что? Где? – всполошился дедушка. – Брак на звездном небе?

– Брак, но не на небе! Настюха совсем за собой не следит. Наш с тобой брак. Недовоспитали.

– Да ну тебя, – отмахнулся дедушка. – Лучше подай мне инструкцию, не получается собрать.

Появилась мама с салатом.

Появился папа с рыбой.

Второй раз появилась мама с пирогом.

Дед собрал подставку.

Папа расчистил на письменном столе место под проектор.

Мама появилась в третий раз с жареной картошкой.

– Вот куда еще картошку? – возмутилась бабушка. – И так животы у всех!

Гоша хотел было поддержать бабушку насчет животов и заявить, что у него тоже вон какой солидный живот. Поэтому он обедать не будет, а лучше съест пару-тройку конфет и тортик, который, как уже выяснилось, был во второй коробке. Но тут папа включил свет и нажал на пульт проектора.

– Ого!

– Класс!

- Супер!
- Это волшеббно!
- Как в планетарии! Как в планетарии!
- Нравится подарок?
- Да-а-а!!!

Комната исчезла, мебель магическим образом растворилась в пространстве, и Млечный Путь сиял над головой Гоши, маня и подрагивая.

– А вот так будет лунный свет, – дедушка щелкнул пультом.

– Оу! Ска-а-аз-ка!

В призрачном лунном свете Гоша разглядел очертания скалы-дивана, зеркала-портала и маму в профиль. Мама была красивая, как фея. Да, как фея! И ничуть не полная, просто тень так падает.

- Здорово. Ну, давайте садиться, пока не остыло!
- Нет, еще поиграем!
- Потом поиграешь, в своей комнате.
- Сейчас хочу.
- Будем ругаться?

«Не будем ругаться! – принял решение Гоша. – Надо хорошо себя вести, а то Дед Мороз передумает с собакой». Выключили сказку, включили свет.

– Будем ругаться! – вдруг твердо заявила бабушка, которая ничего не обещала Деду Морозу. – Я буду ругаться. Так нельзя. Пирог, картошка, тортики... Завтра же ты идешь

со мной в фитнес-центр, милочка. Посмотри на меня, я на пенсии, но в какой форме! А ты...

Мама и папа переглянулись.

– Дорогие родители! – торжественно сказал папа. – Садитесь. У нас для вас тоже есть сюрприз. Для всех.

– И для меня? – уточнил Гоша.

– Для тебя – в первую очередь, – подтвердил папа и, выходя, добавил: – Я сейчас, минутку...

– Мы хотели на Новый год, – сказала мама, – но раз у нас сегодня день сюрпризов, пусть будет сегодня.

Гоша ввинтился между бабушкой и дедом очень вовремя – папа как раз внес в комнату небольшую, обернутую золотистой бумагой коробку.

– Чур, я, чур я открываю! – завопил Гоша.

– погоди ты, – папа передал коробку бабушке. – Посиди смирно.

– Я сам! А то проектор мне деда открыл, торт – баба. Я сам!

– Хорошо, сам так сам, – решила за всех бабушка. – Только осторожнее. Не урони. Вдруг там хрупкое.

Гоша развязал бантик, разодрал золотую обертку и убежал с коробкой на диван.

– Ну, что там?

– Облако из каких-то пластиковых шукувин...

– Точно, хрупкое, – вынесла вердикт бабушка. – Отсюда вижу. В такое чашки дорогие упаковывают.

Гоша порылся:

– Чашки нету. Тут... кукольная одежда, во!

Он извлек из облачного вороха крошечную розовую рубашку и такие же розовые носочки. Рубашка была из тонкого материала, почти прозрачная. А носочки, наоборот, плотные, теплые.

– Настя... – вдруг побледнела бабушка и схватилась за сердце. – Это... Это то, о чем я думаю?

– Ба, это для твоего пупса, который у тебя на пианино сидит! – догадался Гоша и нахмурился: – Пап, ты говорил, это для всех сюрприз, а это только для бабушки!

– Там еще кое-что, – подсказал папа.

Гоша порылся в пластиковых штуковинах и на самом дне обнаружил конверт.

– Деньги!

Но в конверте лежали не деньги, а открытка с непонятным черно-белым изображением. Дедушка при виде открытки аж подскочил:

– Настя! Дима! Ура! Как я счастлив! Дети мои...

Глаза деда подозрительно засверкали. Бабушка между тем уже рыдала в голос и обнимала маму. Дед бросился обнимать папу.

Затем они поменялись: теперь бабушка ревела в папу, а дедушка целовал маму в макушку.

«Они все сбрендили! – подумал Гоша. – Плакать от счастья из-за кукольной одежды?!».

Наконец взрослые утомонились и обратили внимание на ничего не понимающего Гошу.

– Гошик, у тебя будет сестренка! – сказала бабушка, и голос ее дрожал. – Какое счастье! Какой сюрприз! У меня уже Новый год, о-о-о!

– Точно, Новый год, – подтвердил дедушка. – Досрочно! Ай да Дед Мороз, ай да молодец!

Гошу словно током ударило:

– Дед Мороз?! Досрочно? Погодите... Я не понял...

Мама подошла, присела рядом, обняла:

– Скоро у тебя будет сестренка.

– Жи-жи-живая? – уточнил Гоша, заикаясь от волнения и припоминая свое письмо. – Не игрушечная? Настоящая?

– Самая настоящая! – улыбаясь, подтвердил папа. – Ты рад?

Гоша вытер проступившие на лбу капельки пота и осторожно спросил:

– И я... Смогу ее сам кормить?

Взрослые переглянулись, но закивали.

– Сможешь, как только она немного подрастет, – пообещала мама.

– И с ней можно будет гулять?

– Конечно!

– И... – «О чем я там еще просил у Деда Мороза», – лихорадочно вспоминал Гоша. – И я смогу ее гладить?

Взрослые засмеялись:

– Сможешь!

– Ох... И я буду о ней заботиться... – прошептал Гоша упавшим голосом. – Всегда, точка. Всегда. Обещаю.

Мама обняла его крепко-крепко.

Папа пожал ему руку, крепко, по-мужски.

А бабушка опять заплакала:

– У меня лучший в мире внук!

Гоша вырвался и убежал от всех к себе.

– Гоша, сынок!

– Внучек, тук-тук!

– Открой дверь, я тебе проектор принес...

– Малыш, ты в порядке?

В каком можно быть порядке, когда дней до Нового года осталось совсем мало, а Дед Мороз все напутал и... Эх!

– Я спать буду! – крикнул Гоша.

– Спать? Ладно... Поспи и выходи.

Его оставили в покое.

Гоша готов был выть, вопить и плакать от обиды и злости.

– Ну тупой этот Дед Мороз, ну тупой! – шептал Гоша, нарезая круги по комнате, словно тигр в клетке. – Я же просил собаку! Со! Ба! Ку!

Он всхлипнул.

Подошел к окну и уперся лбом в холодное стекло.

– Собаку! Или кошку... Но не сестру же!

Под окнами сосед с первого этажа выгуливал красавца-до-

га. Смотреть на это было невыносимо. Гоша залез на кровать и обнял подушку.

– Я просил собаку! – повторил Гора потолку. – А если собаки кончились, то кошку. Или хотя бы енота. Я прекрасно помню, я написал только про собаку, кошку, енота и мар-тыш... Ох...

Гоша вспомнил еще одну строчку своего письма. В ней было четко сказано: «...подари мне кого-нибудь другого, только обязательно живого». Что ж, Дед Мороз выполнил все точно, как Гоша и просил. Еще и досрочно!

– Это не Дед Мороз тупой, это я сам дурак! – вздохнул Гоша. – Но что же теперь делать? Как исправить ошибку?

Вариантов вырисовывалось несколько.

Первый, самый верный. Поехать к Деду лично в Великий Устюг.

– И кто меня одного отпустит?

Второй, проверенный. Написать еще одно письмо. Раз первое дошло меньше чем за неделю, второе успеет до праздников.

– Но папа дома, по секрету не получится.

Третий, неплохой: узнать у Мишки Павликова адрес электронной почты и как-нибудь сделать все со смартфона.

Гоша остановился на третьем варианте и позвонил Мишке.

– Привет!

– Приветище!

– Чо делаешь?

– Мы елку наряжаем.

– Так рано же! Осыплется.

– А у нас не настоящая.

Гоша вздохнул:

– А у меня настоящая. Только не елка. Подарочек от Деда Мороза.

– Ух ты! Большая? Не елка, а что, сосна, что ли? Тоже норм.

– Маленькая. Не сосна. Сестренка.

– Что-о?

– Что слышал. У меня кошмар, ужас и катастрофа. Дед Мороз перепутал и подарил мне на Новый год вместо собаки сестренку. Досрочно!

– Ауч!

– Угу.

Они помолчали. Потом Мишка осторожно заметил:

– Необычный такой подарок. С чего вдруг такой?

– Я сам виноват. В письме написал, что хочу собаку, но что можно кошку или другое живое. Ну вот и получил. Живое.

– Же-е-есть! Уже доставили?

– Пока нет. Пока только одежду. Наверное, в новогоднюю ночь принесут под елку. У меня шок.

– Гош, я тебе прям сочувствую, честно. И что ты собираешься делать?

– Переиграть! Так можно. Мама недавно шкаф-купе заказала, потом отменила, потом другой выбрала, потом опять отменила...

– А, ясно. А с Морозом так тоже можно?

– Надеюсь. Главное – успеть. Помнишь, ты говорил, что Деду можно писать по электронке? Так будет быстрее. Ты дашь мне адрес. И объяснишь, как все сделать. Я напишу ему новое письмо и...

– У меня нет адреса.

– Ты же говорил, есть!

– Я говорил, что такое есть. А как это делать, понятия не имею. Я сам писал обычным способом, на листике. В октябре еще. Попросил конструктор.

– Эх ты...

– А что я? А что я? Слушай, меня мама зовет, пока. Да! У меня идея. Ты Алису спроси, она же все знает. Пока-пока!

И Мишка отключился.

В дверь детской деликатно постучали.

– Сына, ты спишь?

– Нет.

– Вылезай, мы торт режем.

Торт – это, конечно, хорошо. Но сперва надо решить проблему.

– Я потом. Я... Алисе звоню.

– Кому? Что? – не поняла бабушка.

– Он подружке звонит, – объяснил папа бабушке. – Одно-

класснице. У нее недавно братик появился.

– А-а-а...

Гоша прислушался: вроде бы взрослые отошли от дверей. Про братика Гоша ничего не знал, поскольку с Алисой никогда не дружил и почти не разговаривал. Так вот почему Мишка посоветовал к ней обратиться!

Он нашел в списке контактов Алису.

– Алиса, привет!

– Гоша?

– Я. Можешь говорить? Слушай, мне срочно твой совет нужен. Поможешь?

Алиса совсем не могла говорить, поскольку разучивала гаммы, и надо было успеть, пока Эрика не начали укладывать спать. Но помощь другу – это святое! (И вообще Гоша давно ей нравился.)

– Помогу! Выкладывай, что там у тебя.

– У меня кошмар, катастрофа и ужас. Прямо сейчас.

– Пожар?!

– Хуже. Я попросил у Деда Мороза собаку, а он перепутал и подарил мне сестренку. Теперь мне срочно нужен электронный адрес Деда, чтобы успеть решить праблу до Нового года. Мне Мишка сказал, что ты все знаешь, как что делать... Эй, ты чего молчишь?

– Гош, я это... Я не знаю. Правда. Какой адрес? Я вообще в Деда Мороза не очень верю.

– И ты у него в прошлом году не просила братика?

– Эрика? Не-е-ет. Я ничего не просила, говорю же. Они со Снегурочкой сами мне дарят, что хотят. И мне вообще кажется, это мои родители все покупают.

– Ладно, я понял.

– Прости, что не помогла.

– Ты что, все норм. Спасибо. Пока!

Гоша отключился. Как это, не верить в Деда Мороза? Он есть, даже досрочно делает подарки. Путает иногда, но это от старости, наверное.

Экран смартфона не успел погаснуть, как позвонил Мишка.

– Тирлим-ла-ла, тирлим-ла-ла!

– Да, Миш!

– Ну что Алиса сказала?

– Да она не знает ничего. Говорит, Эрика не просила и Деду не писала. И адреса не знает.

– Какого Эрика? Зачем ей писать Деду? Эй, ты какой Алисе звонил?!

– Корчиной.

– Так я тебе не ее советовал, ау! Алису, бота на телефоне!

– А-а-а... У меня не Алиса, у меня Маруся.

– Да без разницы. Спроси прямо: как поменять сестру на собаку. Удачи!

Мишка отключился.

Гоша некоторое время сидел и таращился на черный экран. Такого сумасшедшего дня у него еще ни разу в жизни не было. Сжимая в потной ладонке телефон, он опять по-

шел к окну. Была середина дня. Начался снегопад. Он валил хлопьями, налипая на стекло. Деревья в момент побелели, и отсюда, с высоты, напоминали снежные сугробы.

– Привет. Меня зовут Маруся. Погода? Музыка? Сказки? Открыть сайт?

Гоша нажал на значок микрофона:

– Маруся, как поменять сестру на собаку?

– Нашла для вас! – немедленно сообщила Маруся, вывалив кучу квадратиков: «Как попросить сестру приходить в гости без собаки», «Воспитание и дрессировка собак» и всякое такое.

– Мне это не подходит! – возразил Гоша.

– Почему не нравится?

– Дед Мороз подарил мне сестру. А мне нужна собака. Что мне делать?

– Пригласите гулять, ухаживайте за ней и прочее.

– Но я не хочу сестру! Мне нужна собака!

– Почему не хочешь-то? Что-то случилось?

Гоша в очередной раз нажал на микрофон и принялся объяснять, что случилось. Но что-то не сработало, и на экране в чате появилось из сказанного всего одно слово:

– Поменять.

– Что нужно поменять?

– Сестру на собаку!!!

– Собаку? Какую собаку?

– Любую!!! – Гоша был близок к отчаянию.

– Приятно, когда вы доверяете мне право выбора, – сообщила Маруся.

Гоша вырубил мобилку и всхлипнул. Побегал по комнате. Попробовал еще раз.

– Маруся, мне нужен адрес Деда Мороза.

– 162390, Вологодская область, Великий Устюг, Деду Морозу.

– Мне нужен электронный адрес!

Маруся зависла на несколько секунд и сообщила:

– Не буду врать и выкручиваться, я не знаю ответ.

Позвонил Мишка:

– Ну что?

– Ничего. Маруся не знает.

– Ясно. Ну пока. Звони, если что.

Постучали в дверь:

– Гошик, это дедушка. Выходи.

– Я сплю!

Опять позвонил Мишка:

– Ну, чего тебе еще?

– Я просто так... Гулять вышла.

– А, Алиса! А я не посмотрел на экран, решил, что Мишка.

– А я тут подумала, зачем тебе сестру на собаку менять? Когда младенец в семье, знаешь сколько плюсов?

Гоша не знал.

– Ну смотри. Вот я сейчас гуляю, потому что мама укладывает Эрика. А если бы его не было, меня бы заставили гаммы учить.

– Я не хожу на музыку.

– И вообще слишком много взрослых на одного ребенка – это плохо.

– Почему?

– Просто поверь, я знаю. А потом Эрик вырастет, а я навсегда останусь старшей. И ему придется меня слушаться.

– Ага, ага! А мне будут говорить: уступи, она маленькая!

– И что? Это же круче некуда, быть старшим братом!

Гоша промолчал.

– Я бы хотела иметь старшего брата, – продолжила болтать Алиса. – Такого умного, сильного...

Гоша вновь промолчал.

– Примерно, как ты! – заявила Алиса.

Тут Гоша вообще впал в ступор. Алиса считает его умным и сильным?! Ого.

– Слушай, а ты где гуляешь? – спросил он.

– На круглой площадке, за твоим домом. А что?

– Да я тоже хотел выйти...

– О, давай!

Гоша выскочил в прихожую.

– Сына, ты куда?

– Гулять!

– Нет!

– Да!

– Но...

– Там Алиса!

– И что?

– Может, я на ней женюсь, когда вырасту!

– Час от часу не легче, – всплеснула руками бабушка.

– Погоди, комбинезон застегни.

– Вы где будете?

– Мобилку не забыл?

«Алиса права, слишком много взрослых на одного меня – это плохо, – думал Гоша, дожидаясь лифта. – Может, в сестре есть смысл. Если, конечно, ее выдрессировать, чтобы она меня слушалась...»

Мишка тоже вышел гулять. Они втроем забрались под брюхо яркой подводной лодки с лесенками, горками и круглыми дырками вместо иллюминаторов и принялись таскать мармеладных монстриков из пакета, который стащила из дома Алиса.

– Мне не разрешают есть на улице, но папа мыл ванночку, мама качала Эрика, и вот вам еще один плюс младенца в семье.

– Все-таки я хочу собаку, – вздохнул Гоша.

– Надо дождаться Нового года, – сказал Мишка. – Может,

Дед Мороз сам поймет и исправится?

– Да кто вам сказал, что он вообще есть, этот Дед? – скривилась Алиса.

– Я завтра ему напишу все-таки, – заупрямился Гоша, а про себя твердо решил – «не женюсь!».

– Хотя, может, ты и прав, – Алиса извлекла из пакета зеленого монстрика и стала ловить на него снежинки. – Надо верить в чудеса!

«Или женюсь», – передумал Гоша.

На Новый год Дед Мороз подарил Гоше электросамокат, такой, что на нем даже папа мог кататься. Всем самокатам самокат!

От бабушки с дедушкой он получил телескоп.

Мама еще чуть-чуть располнела.

А за щенком они поехали все вместе, предварительно долго споря, совещаюсь и созваниваясь с заводчиками.

– Главное, чтобы собака была небольшая и добрая, – сказала мама. – Я против медведей в доме!

Александр Маршалик

Странное счастье для Вадика и Нади

Станный он, этот Вадик, но Надю к нему тянуло магнитом.

Он же вообще толком не учится, появляется только на сессию и на пьянки. И ведь сдает же и зачеты, и экзамены, в академ ни разу не ходил. Гений, а может, везунчик?

– Он, конечно, ничего так-то, да? Не толстый и не дрищ. Фигурка норм.

– Ну да.

– А помнишь, Надя, на первом курсе, когда перепились, там Вадик ко всем подкатывал, все ржали, помнишь?

– Конечно.

– Ага, «это судьба», говорит, и так еще в глаза смотрит, лицо серьезное, сдохнуть можно. И на часы свои огромные посматривает, ждет чего-то.

Надя и Таня смеются, и их голоса смешиваются с галдящим шумом душного ночного кафе. Сейчас конец декабря, сессия. Измученная и тоскующая по отрыву студенческая публика тусуется в забегаловке у заснеженной автобусной остановки.

– Так он ни с кем тогда и не замутил?

– Нет. Ну, во всяком случае, я не знаю, – Надя опустила глаза.

– Да ладно, он же к тебе больше всех приставал. Что, ничего не было?

Надя покачала головой и потянула колу через трубочку из бумажного стакана. Стакан сморкнулся, и Надя нехотя выдавила:

– Он сказал, что еще не время.

Таня вытаращила глаза, а Надя пожала плечами:

– Ну да, пуля в башке, вот такой фрукт.

– Овощ.

Таня засмеялась, и Надя тоже, она не обижалась.

Тут Таня понизила голос:

– Говорят, что он всегда учит только один билет, и ему всегда попадается именно этот.

– Как так?

– А вот так.

– Мистика. О, смотри, твой Викто`р притащился.

Подруги замолчали, чтобы помахать вошедшим в кафе парням. Один из них был атлетически сложенный Викто`р, которого за глаза именовали на французский манер, с ударением на последний слог. Он не вылезал из спортивного костюма и очевидно экономил на дезодоранте. Поэтому имя с французским прононсом ему не шло. Тем веселее было его так называть. Когда-то Таня встречалась с Викто`ром. Было дело, да.

Проводив глазами бывшего, Таня вдруг спросила:

– Видела, сегодня?

Надя кивнула.

Конечно, она видела. Вся группа видела стычку Виктора и Вадима в очереди на экзамен.

Сначала все собрались у кабинета, прикинули, сколько времени уходит на ответ, а потом часть группы, и Виктор вместе с ними, рассосалась, кто в буфет, а кто на улицу курить и резать шпоры. Тут Вадик прибежал, запыхавшись, и стал допытываться, кто следующий должен пойти на экзекуцию. Ему ответили, что Виктор, но он где-то шарится. Тогда Вадик, тыча в свои гигантские часы, сказал, что опаздывает, и можно, пожалуйста, вместо Виктора пойдет он. Ожидающие согласились, – никто не хотел быть растерзанным раньше отмеренного срока, и Вадим, выдохнув, вошел в кабинет.

Через минуту с телефоном, прижатым к уху, в коридор вылетел красный профессор, шипя в трубку: «Мама, если я обещал заехать, я заеду, у меня сейчас экзамен, потерпи, пожалуйста». Он исчез в преподавательской, и еще минут пятнадцать оттуда доносились сдавленные плаксивые выкрики.

В общем, пока профессор, проклиная все на свете, исполнял сыновний долг, студенты с завистью заглядывали в аудиторию, где их одноклассники остервенело списывали.

– Ну вы и гады, везунчики, – стонали из коридора.

– Се ля ви, – громко шептали из кабинета. – Да закройте вы дверь, черти, спалите же!

Каждый из оставшихся в коридоре изнывал еще и от зависти к Вадиму, который так удачно пролез не в свою очередь, а теперь сосредоточенно сдувал ответ.

Все хотели быть на его месте, но больше всех досадовал Виктор, который примчался из курилки, услышав, что экзаменатор заперся в преподавательской, а все, кто успел взять билеты, теперь списывают так, что пальцы дымятся. Винить Виктору нужно было, конечно, только себя, да. Но этот чертов счастливчик! Опять ему повезло! Виктор злобно скрипел зубами, а заметив, что на него смотрят девчонки, картинно долбанул кулаком в стену.

Когда профессор вернулся в аудиторию, его встретили скромно сияющие интеллектом лица. Конечно, все получили как минимум четверки.

Вадим с извиняющимся видом засовывал в сумку зачетку с пятеркой, когда Виктор прижал его к стене.

– Ты чего полез?

– Мужик, ну ты же сам опоздал, все равно бы не зашел без препода.

– Не твоя очередь – не лезь, понял, счастливчик? А то я тебе счастье... укорочу.

Виктор усмехнулся, еще раз пихнул Вадима грудью и под вялые реплики одноклассников «Витя, перестань, Витя, успокойся» зашел в аудиторию.

Ну да, Вадик не боец, в драку не полез, но как-то странно посмотрел на Виктора, спокойно, как будто что-то прикиды-

вая. Затем он хмыкнул, глянул на часы и пошел по коридору прочь от кабинета.

– Ну, и что ты ему сказала, своему кавалеру недоделанному, ты же за ним побежала?

– За ним. И совсем он не недоделанный, – Надя была серьезной. – Сказала, что Викто`р идиот.

– Да, идиот, это точно, – подтвердила Танюха, она-то знала.

– Ну и спросила, пойдет ли он на Новый год.

– Ну, и как? Пойдет?

– Да, – и Надя улыбнулась.

– Ты думаешь, время уже пришло? – подмигнула Таня и хихикнула.

– Отстань ты.

Станный он, этот Вадим.

После экзамена Надя догнала его и увидела, что недавнее спокойствие парня было деланым. Теперь губы оказались злобно поджаты, а глаза презрительно сузились.

– Ты слышала, что он хочет укоротить мое счастье?

– Да он же дебил!

– Никто не сможет укоротить мое счастье.

– Да это тупость какая-то, слова дурацкие просто.

– Ну да, слова...

Вадим, как будто опомнившись, отвернулся, перевел дыхание. Надя, сначала напуганная, тоже успокоилась.

– Ты же пойдешь к Танюхе на Новый год?

– Да, да. – И Вадим вдруг быстро заговорил: – Да, помнишь, что я тебе говорил, год назад, помнишь? Так вот. У меня сошлось!

Он постучал по своим огромным часам, и выпуклый черный циферблат внезапно вспыхнул синим светом, затем медленно потух.

А потом Вадим убежал.

«Сошлось у него, вот чудик», – думала Надя в ожидании вечеринки и улыбалась сама себе.

Под Новый год все приползли к Танюхе.

Надя ждала Вадима, беспокоилась, как он поведет себя с Виктором, который тоже притащился, хотя бывшая его совсем не звала, а он под влиянием новогодней романтики настойчиво к ней подкатывал, старался изо всех сил, рассказывал несмешные шутки про каких-то оленей-трансвеститов, и компания, сильно желающая поскорее себя развеселить, отчаянно гоготала.

В общем, было скучновато, и тут появился Вадим.

– А вот и наш счастливчик, – воскликнула Танюха и побежала целоваться.

Вадим неопределенно помахал рукой, осмотрел комнату и помрачнел, увидев Виктора, который нахмурился в ответ и упер руки в боки:

– Надюха, вон твой олень пришел.

Вадик пропустил это мимо ушей. Он увидел Надю, пома-
нил ее и увлек на лестницу. Дверь захлопнулась, и они ока-
зались тесно прижатыми друг к другу на выстуженной лест-
ничной площадке. Вадим дернул вниз молнию своей куртки,
накинул ее на Надю, прижимая к себе плотнее, ловко и при-
вычно, как будто был ее парнем уже сто лет. Сладкое, нахлы-
нувшее на Надю чувство было страшно знакомым. Ей было
уютно и спокойно. Спокойно и тепло.

– Я сейчас тебе скажу что-то очень важное, и ты должна
согласиться.

– Хорошо, – соглашаться почему-то было легко.

– Мы должны встретить этот Новый год вместе.

– Хорошо, мы и так вместе, ты же зайдешь, или как?

– Нет, ты не поняла. Вместе – вдвоем, с тридцать первого
на первое, приходи завтра ко мне.

Надя смутно помнила, как закончился тот вечер. Вадим
поцеловал ее в кончик носа, глянул на часы и исчез, а она
вернулась в квартиру, и потом стало веселее, но она все вре-
мя думала про Вадима и, закрывая глаза, в дымке видела его
улыбающееся лицо.

Вечером 31 декабря, без пятнадцати двенадцать, Надя
поднялась на лифте на последний этаж единственной в го-
роде пятнадцатизэтажки в центре.

На площадке не было света. Дверь распахнулась, руки Ва-
дима подхватили ее и понесли куда-то по длинному коридо-
ру вглубь необъятной темной квартиры. Они опустились на

что-то мягкое, пушистое, одежда улетучилась, началась качка, и нега навалилась, обволокла и не давала поднять веки, по телу волнами покатилась дрожь, и за последней волной на улице кто-то закричал «Ура-а-а!» и начался фейерверк.

Да. Наверное, так все и было.

Надя, не открывая глаз, лежала, покачиваясь в дреме.

Проснувшись, она подняла голову и осмотрелась. Под нею была белая звериная шкура, распластанная посреди огромной комнаты, которая освещалась с улицы фонарями и вспышками фейерверков из огромных окон в пол.

Вадим стоял спиной к Наде, глядя в окно. Услышав шорох, он обернулся. Из одежды на нем были только те самые массивные часы на левой руке. Стройный, широкоплечий, с кубиками на своих местах, он выглядел как модель с обложки глянцевого журнала, но часы на голом парне показались Наде смешными.

– Сколько я спала?

Вадим посмотрел на часы:

– Всего пару минут. С Новым годом.

– С Новым годом.

Она перевернулась на живот и прижалась щекой к шкуре, глядя на Вадима. Вспышки за окном раскрашивали ее кожу тенями.

– А зачем тебе часы? Сейчас.

Вадим улыбнулся:

– Всему свое время, – и он показал пальцем на циферблат.

Надя удивленно подняла брови.

– Так ты и этим только по часам занимаешься?

Она прыснула от смеха. Вадим смеялся вместе с ней, тряс за плечи, заглядывая в лицо, повторял ее имя, затем шептал приятные глупости.

Через какое-то время она снова очнулась. Да, в этом было, конечно, что-то странное. Ботаник, который и на ботаника-то не похож, с такими-то мышцами. И чего лукавить, эта гигантская квартира, эти наручные часы, сколько они стоят? Откуда у него это все? И чего ему надо от меня?

Надю охватило беспокойство, она начала тормошить спящего рядом с ней принца.

– Вадим, мне так хорошо с тобой, но я... Я тебя боюсь. Ты кто?

Принц открыл глаза и лукаво улыбнулся:

– Я – единственный настоящий звездочет на Земле.

Он оперся на руку и, лежа на боку, начал рассказывать. Его голос успокаивал, Наде сразу захотелось забыть про свои страхи и уснуть.

И она, наверное, снова уснула.

Из того, что говорил Вадим, остались смутные обрывки, кусочки фраз, и неясно было, сказал он это на самом деле или все просто приснилось девушке на медвежьей шкуре, под вспышки фейерверков и смех за окном.

Все дело было в часах, это точно.

Вадим сидел рядом, и в огромном циферблате отражались

разноцветные огни.

«...они предсказывают будущее. Точнее, нет, не так. Они отвечают на вопрос. Важно правильно задать вопрос... Понимаешь?»

«... я их настроил сам, по звездам и старым календарям».

И Надя улыбалась и кивала, покачиваясь в сонной дымке.

– Жизнь – это миллион выборов, миллион дорог, каждую секунду – выбор, и люди выбирают наугад, вслепую, в крошечной тьме, а у меня есть фонарик, он освещает мой путь к счастью, понимаешь – эти часы.

– И что ты спросил?

– Я спросил: если мы сегодня проведем ночь вместе, то будем вместе всегда? И часы сказали – да.

Господи, какую чушь он несет, и как мне хорошо с ним. Что он еще болтает? Про смерть. При чем тут смерть...

– ...а еще смерть свою предсказать не могу. У меня сейчас линия жизни по часам – бесконечная, гляди.

Он показал Наде циферблат, нажал кнопки на боковине корпуса, и выпуклое стекло загорелось синим светом. Справа налево побежали белые числа. Вадим покрутил колесико, бег ускорился, числа слились в одну тонкую нить.

– Это моя линия жизни, можно крутить хоть час, конца не будет. Здесь бесконечное количество возможностей и выборов, в том числе и бессмертие. Есть и такой вариант. Я пока не сделал ничего такого, что может привести к смерти от болезни или от старости. Будущее с этого момента и дальше

вбирает в себя все возможности. Жить вечно – это, получается, тоже реально. Часы не врут.

И они всю ночь провели на медвежьей шкуре, и была снежная новогодняя сказка, наполненная радостью обычных людей, на которых свалилось необыкновенное счастье.

Вадим часто ездил к родителям и привозил от них банки со всевозможными соленьями, сало и прочие деревенские дары. В очередной раз он вернулся с двумя огромными рыбами, гладкими, блестящими хариусами. У одного по брюху шла широкая рыжая полоса.

– Только вот этого чудо-зверя с полосой не трогай, готовь второго.

– Почему?

– Ну, который с полосой, куда-то денется, и мы его даже не попробуем.

– Куда же он денется?

Вадим пожал плечами. Надя нахмурилась:

– Опять предсказание?

Вадик улыбнулся:

– Не грусти, часы не врут. Готовь этого, без полосы.

«А вот мы и посмотрим», – упрямо подумала Надя.

Парень уехал, а она, приговаривая «посмотрим – поглядим», помыла и почистила чешуйчатого красавца, срезала ему яркую полосу на брюхе, посолила, поперчила и в фольге

отправила в духовку.

По квартире поплыл пряный запах. Надя вытащила готовую рыбину, поставила на барную стойку и развернула. В лицо пахнуло жаром, показалась бочина речного зверя в золотой корочке.

Девушка была довольна и представляла, как удивится ее звездочет, когда она скажет, что ест он именно хариуса с рыжей полосой, которого он ну никак не мог есть по предсказанию.

Она завернула золотистый бок обратно в фольгу, накинула на хариуса полотенце, чтоб не остывал, и пошла выбрасывать мусор. Пару минут провозившись у мусоропровода, она направилась было обратно, но увидела соседку в халате и с растрепанной прической, которая поднималась к ней, заглядывая через перила и растерянно причитая.

– Девушка, милая, там наверху нет котика? Такой рыжий, пушистый. Лямка, Лямка, ну где же ты, паразит?

– Котика?

Надя замерла. Как током ударило: дверь-то она оставила открытой.

– Какого котика, женщина?

Надя кинулась в квартиру. Соседка поспешила за ней.

– Ой, как у вас пахнет вкусно, рыбку готовите? Вот и Лямка мой так рыбку любит, а ведь котам рыбы-то много нельзя, у них из-за рыбы...

– Да помолчите вы!

В окна бил солнечный свет, и комната с барной стойкой сияла уютом. На полу валялось веселое пестрое полотенце, которым Надя укрыла хариуса, и огромный котище веселого рыжего цвета торчал над противнем с рыбой, весело чавкал и фырчал, смачно вгрызаясь ушастой башкой в сочное пахучее мясо.

Увидев женщин, кот поднял голову и замер. Все стояли неподвижно, только с усов незваного гостя капал на стойку рыбный сок.

– Лямка-Лямка, не ешь ты рыбу эту, тебе вредно, иди ко мне, – первой подала голос соседка, и Надя опомнилась.

– Вредная рыба? Убью! – заорала она и ринулась к коту, сжимая кулаки. Зверь в ужасе сиганул со стойки, зацепил противень, тот перевернулся и грохнулся на пол, погребая под собой останки хариуса. Надя издала что-то похожее на стон и рычание одновременно, от чего кот дико заметался и забился под кухонный гарнитур.

– Вылезай, гад!

– Девушка, вы его пугаете, не кричите, – визжала соседка.

– Вы почему за ним не следите? – стонала Надя, стоя на коленях перед шкафчиком, пытаясь вытащить из-под него кота.

– Я пошла мусор выносить, а он выскочил. Девушка, шваброй нельзя, нельзя шваброй, не пущу!

Соседка расставила руки и ноги и не пускала Надю, которая рвалась к коту, целясь шваброй под шкаф.

– Не пущу! – визжала хозяйка кота и делала страшные глаза.

Надя отшвырнула швабру, плюхнулась на пол и разревелась. Соседка ползала, заглядывая под шкафчик, и звала Лямку. Ошалевший кот, очевидно решив, сейчас или никогда, рванул, поджав уши, через коридор на лестницу, и хозяйка помчалась за ним, на ходу крича:

– Простите нас, пожалуйста, я вам другого хариуса принесу!

– Да идите вы со своим хариусом, – всхлипнула Надя.

Откуда соседка вообще знает, что это именно он?

В общем, предсказание сбылось, но Надя не хотела оставлять Вадима без ужина, поэтому вытерла слезы и проворно, хотя уже не так вдохновенно, обработала вторую рыбину.

Когда она увидела под фольгой такую же чудесную золотистую, как и в первый раз, корочку, в ее душе опять зазвучала упрямая озорная струнка.

– Ну, вот и соврали твои часы, ешь своего хариуса с рыжей полосой.

Вадим потерянно смотрел на нее, бормоча: «Как же так, не может быть...» Он поковырял вилкой в рыбе, сказал, что это очень вкусно, но ему почему-то расхотелось есть, и Наде вдруг стало жалко его:

– Я пошутила, это хариус без полосы, все было, как ты предсказал.

Парень просиял:

– А что с тем случилось?

– Кот, – горько вздохнула Надя.

За ужином она рассказала про то, как сначала приготовила хариуса с рыжей полосой, и про мусор, и про соседку и кота Лямку, и они смеялись, и Вадим говорил «глупенькая девочка, упрямая, зачем же с судьбой спорить», и Надя решила, что в этих спорах на самом деле нет смысла.

Ведь все и так хорошо.

Прошел год, и еще один. Надя была счастлива каждый день как в первый раз, а потом случилось событие, совсем не подходящее для новогодней истории, но о котором обязательно нужно рассказать.

Давняя стычка Вадима с Виктором забылась. Отношения стали ровными – они просто не замечали друг друга. Только иногда Надя видела быстрый злобный взгляд Вадима, который он бросал на соперника, и тогда она живо вспоминала слова «никто, никто не заберет у меня мое счастье, понимаешь, никто!». Теперь-то Надя понимала, что Вадим имел в виду, и ей становилось не по себе, но ненадолго. Жизнь была ключом, крутилась волчком и мельтешила калейдоскопом.

Однажды, снова под Новый год, группа решила выехать на природу.

– Хватит пить в четырех стенах, за городом – красота и горы снега, погуляем, а кому захочется, тот и под елкой напьется, – резюмировала Танюха.

– Но с пользой для здоровья, – добавил Виктор. Они снова были вместе, и в этот раз парень старался изо всех сил: спортивный костюм надевал исключительно в спортзал и, очевидно, потратился на дезодорант.

Вадим сначала отнесся к идее с походом без энтузиазма, но через пару дней радостно сообщил, что ждет не дождется, и что погоду обещают отличную, и вообще, надо после экзаменов развеяться и проветриться.

Надя была рада.

На конечной у заповедника группа вывалилась из маршрутки, радуясь елкам в снежных шапках, белкам и синицам, облепившим кормушки. Студенты перешли по деревянному мостику через покрытый прозрачным тонким льдом ручей и растянулись по тропе.

Вдруг впереди кто-то закричал:

– Смотрите, олени!

– Не олени – маралы.

Все сбились в кучу, глядя вверх. Там, по гребню горы, между редкими деревьями гуляли маралы. Они проваливались копытами в наст и сбивали камешки, которые скатывались на дорогу к ногам походников. Надя, улыбаясь, посмотрела на Вадима, но с удивлением обнаружила, что он побледнел и как-то даже поник.

– Что с тобой, тебе плохо?

– Все нормально.

Вадим исподлобья, как будто со страхом, смотрел на гору.

Танюха с Виктором тоже разглядывали маралов и уже двинулись дальше, как вдруг сверху раздался скрежет и с горы, отдаваясь эхом, подскакивая, покатались крупные камни. Звери испугались, ринулись по гребню. Камни со стуком падали на тропу.

Все бросились в разные стороны. Надя тоже побежала, думая, что Вадим последует за ней, но за общим галдежом и шумом услышала его голос. Она обернулась, и все внутри у нее сжалось. Вадим стоял неподвижно, бледный до синевы. Сначала Надя увидела, как Вадим открывает рот, а потом услышала, что он кричал:

– Виктор!

Девушке показалось, что голос ее парня звучал жутко громко и отчетливо, несмотря на шум камнепада. Убегающий в другую сторону Виктор, услышав свое имя, затормозил, обернулся, и тут же булыжник размером с голову угодил ему в правый висок. Юноша разом обмяк и рухнул лицом вниз.

Через секунду после удара он был мертв.

В тот же момент лицо Вадима исказилось. Он ухватился за лоб и бросился к Виктору, упал перед ним на колени, перевернул на спину и начал трясти за плечи, заглядывая в немигающие глаза, беззвучно шевеля губами.

Надя побежала к Вадиму, но застыла, боясь приблизиться.

– Нет, нет, нет... – без конца повторял Вадим. Руки и лицо его были в крови – один из камней рассек ему бровь.

Он обернулся, беспомощно посмотрел на Надю.

Прогулка закончилась.

Группа провела на дороге три часа со скорой помощью и милицией. От шока никто не чувствовал мороза, но, когда служебные машины уехали, всех затрясло, а у Тани случилась истерика, и Надя решила, что нельзя оставлять ее одну.

Надя, конечно, испугалась, увидев Вадима с окровавленной головой, но фельдшер скорой осмотрел его, и оказалось, что это ничего страшного, а еще она всматривалась в одноклассников, пытаясь вычислить, видели они или нет, что произошло, и как Вадим кричал Виктору. Похоже, это видела она одна, а может, и вообще показалось.

Пришли на конечную и ждали такси. Вымотанная Танюха легла на скамейку. Вадим отошел в сторону и прислонился к столбу. Темнело, и в сумерках его перебинтованная голова как будто висела в тумане отдельно от туловища.

Надя подошла, встала рядом и очень тихо спросила:

– Это ты его убил?

Вадим быстро взглянул на нее и забормотал:

– Я кричал, чтобы он отошел, я видел, что на него летел камень.

– Это ты его убил.

Утром Танюха с лицом, распухшим от слез и тонны успокоительных таблеток, уехала к родителям, и у Нади с Вадимом начался скандал, который не утихал до вечера и продолжался весь следующий день.

– Что тебе сказали твои идиотские часы?

– Я спросил: если я поеду в заповедник, смогу ли я отомстить или нет.

– Отомстить?

– Никто не может отобрать мое счастье.

– Да не забирал он твоего счастья, чудовище! Что ты бормочешь?

Прежней злости в голосе Вадима не было. Глядя в пол, он машинально твердил:

– Это не просто шальная удача. Я сам всего добился, это я настроил часы, я сам сотворил свое счастье.

– Ты теперь будешь убивать всех, кто скажет про твое счастье, всех, кто при тебе это слово произнесет?

Вадим молчал. Казалось, он ждал, что девушка начнет хлестать его ладонями, бить кулаками и всем, что под руку попадется, но он не двинется с места.

Надя плакала.

– А я? Я – не твое счастье?

– Ты – мое счастье. Но пойми, мы вместе не просто так...

– То есть из-за часов? Господи, какой бред!

– Я не знал, как это точно произойдет, я увидел оленей... маралов, и камни посыпались, и я все понял, но я уже не мог ничего сделать.

– Ты не мог? Ты же сам говоришь, что всегда есть выбор, миллионы выборов!

– Но я крикнул ему, – Вадим вдруг понял голову, в гла-

зах стояли слезы, – я думал, это его спасет, но получилось... Наоборот. Было уже поздно, понимаешь. Было уже поздно.

– Ты всех теперь будешь убивать?

– Нет, я больше не буду.

– Ты больше не будешь?! Ты человека убил, понимаешь, а говоришь, как будто конфету у ребенка сожрал тайком!

Вадим чувствовал пустоту в голове и то, как мучается Надя, а лицо Виктора все время висело перед глазами. Он зажмурился, тряс головой, отчаянно стараясь сбросить невыносимое видение, но ничего не помогало.

– Я хотел его спасти, но было поздно... Было поздно, – шептал он.

Потом наступила ночь, и Надя хотела уйти, но не ушла. Прошла неделя в полном молчании, и еще неделя, и молчать приходилось уже через силу с тоской по времени, когда все было хорошо. Стоит только протянуть руку, и вот они – тепло и нежность, нужно только забыть, постараться поскорее и покрепче забыть. И Надя старалась забыть изо всех сил.

Танюха вернулась от родителей, они плакали вместе, и Надя внимательно смотрела на подругу – хотела еще раз убедиться, что та не помнит, как все произошло. Оказалось, что Таня на самом деле совершенно ничего не помнит. Тогда страх, что Вадима в чем-то заподозрят, прошел, и забывать стало легче.

Они остались вместе, потому что все было неважно, кроме них самих. Он снова говорил о звездах и тайнах судьбы.

И как тогда, в первый раз, Надя тонула в тепле и чувствовала спокойствие и надежность. Вадим сначала боялся, что часы в наказание за страшный поступок откажутся предсказывать его будущее, но этого не произошло. Возмездия не случилось.

Часы отмеряют время, год за годом, а Вадик и Надя живут в той самой квартире на пятнадцатом этаже и воспитывают троих детей. Встречают Новый год, глядя на фейерверки за окном, а утром садятся в машину и через деревню, забрав родителей, едут в аэропорт, чтобы первым рейсом улететь на острова, где живут всю зиму, а летом колесят по Старому Свету или Латинской Америке. Ацтеки и майя, Лион и Эксан-Прованс. Да, волшебные часы обеспечили Вадiku и Наде безбедную жизнь. Пару лет блестящей игры на бирже, и можно надолго забыть о работе. Кто не мечтает о таком?

Но однажды Надя заметила, что Вадим стал грустным. Он очень много времени проводил наедине с часами, а когда разговаривал с ней или играл с детьми, было заметно, что мысли его где-то далеко. Посреди разговора он мог вскочить с места и уйти в спальню, где в тумбочке у кровати лежал этот удивительный механизм, достать его и, что-то бормоча, долго с ним возиться. В темноте комнаты лицо Вадима освещалось синим мерцанием, он рассматривал бегущие по экрану числа.

— Помнишь, когда мы начали встречаться, моя линия жиз-

ни по часам была бесконечной? Так и сейчас, двадцать лет прошло, а она... все такая же.

– Что же плохого?

– Но это же чушь! Часы показывают все возможности, в том числе бессмертие, но я же знаю, что этого не может быть.

– Ну, ты же не куришь, не пьешь, вот и бессмертный.

– Я серьезно.

Отшучиваться не удавалось, и Надя начинала волноваться. В его голосе была та же интонация, которую она уже слышала и которой боялась. Та же злобная упертость, «никто не отберет мое счастье!».

– И что же делать?

– Я ищу, я перебираю варианты, и если часы врут про мое бессмертие – значит, они вообще теперь врут. Сломались.

Вадим злился и отдалялся, стал пренебрегать здоровьем. Однако ни курение, ни алкоголь никак не сказывались на линии жизни – она оставалась таким же завораживающим, бесконечным рядом цифр. Может, я и вправду бессмертный, думал Вадим, и пугался этой мысли, потому что она тянула за собой вопросы.

Что нужно делать, чтобы оставаться бессмертным, а чего не делать?

Что должно произойти, чтобы его линия жизни прервалась?

К чему готовиться?

Чего бояться?

Это было сумасшествие.

Потребность проводить время с часами стала его манией.

– Мне кажется, если часы остановятся – я сразу умру, моя ниточка, она порвется, – шептал Вадим, глядя на Надю воспаленными глазами.

Он стал чаще, чем нужно, менять батарейки в часах. Он выглядел как помешанный. Боясь, что может умереть за те пару секунд, пока часы не будут работать, он задерживал дыхание, зажмуривал глаза. Если для смены батареек требовалось на секунду больше времени, ему казалось, что он задыхается. Он краснел, на лбу выступал пот, а когда экран в конце концов загорался, он шумно с облегчением выдыхал.

Вадим продолжал поиски «дорожки к бессмертию».

Надя жалела его.

– Вадик, сходи к врачу, ты не справляешься. Это психоз, понимаешь, но это лечится!

Она пыталась отвлечь его, убеждала, что пойти к доктору – это не стыдно. Она даже нарочно обижалась, что он заботится о своем личном бессмертии и не думает о том, что ей-то ничего такого не светит. Услышав такое, Вадим приходил в ярость, кричал, что она ничего не понимает, что если он добьется своего, то и ей обеспечит вечную жизнь, это же очевидно, разве нет? В конечном счете он заботится о них обоих и о детях, а она только отвлекает и мешает!

Следующее Рождество и Новый год они проводили в Ев-

ропе.

Утром Надя наливала молоко в кофе, медитировала в тишине спящей квартиры на Александерплац, наблюдала за клубящимися в чашке молочными облаками, и тут вздрогнула от неожиданности.

– Ты ведь не бросишь меня, Надюша?

Вадим подошел незаметно, обнял ее, и она ощутила забытое тепло.

– Вадик, так дальше не может продолжаться. Ты сходишь с ума, и я вместе с тобой.

Она обернулась и увидела его, небритого, с красными от бессонной ночи глазами.

– Да, ты права, я с этими часами совсем сдурел.

Он слабо улыбнулся.

– Послушай, тебе нужно просто отцепиться от них. Отлипнуть, понимаешь? Съезди куда-нибудь без них, в Брюссель например, поброди по барахолкам, там должно быть супер, помнишь, как тебе там нравилось?

Да, когда-то это было одно из его любимых развлечений – бродить по огромным блошиным рынкам в Брюсселе, под Рождество они просто пухли от старинной рухляди.

– Если тебе станет совсем не по себе, я сразу примчусь и привезу тебе часы. Давай попробуем, а?

Тем же вечером Вадим сел на поезд и уехал в столицу Бельгии. Он согласился побыть несколько дней без часов, а после решить, надо ли ему идти к врачу. Надя же поручи-

ла детей бабушке и дедушке, чтобы прогуляться по городу с фотоаппаратом, но не успела она выйти из квартиры, как запиликал телефон. На экране высветилось улыбающееся лицо мужа – таким его она не видела уже давно. По лицу Вадима мелькали солнечные лучи и тени, и Надя поняла, что он куда-то едет:

– Ты где?

– В такси. Здесь отличная погода, тепло и солнце. Представляешь, я нашел!

– Что нашел, эксклюзивное старье?

– Нет, – Вадим засмеялся, – я нашел человека. У него часовой магазин с мастерской прямо в центре города. Понимаешь, он говорит, что сможет настроить часы!

Опять часы.

Вадим продолжал вздохнуть:

– Он проверит их и скажет, врут часы или нет. Может, они и не врут, представляешь?

Глаза Вадима горели.

– Хорошо, я очень рада.

– Надя, привези мне их, если прямо сейчас сядешь в поезд – к вечеру будешь тут.

– Хорошо, хорошо, мчусь.

Надя поспешно вернулась домой, забрала часы и успела на двенадцатичасовой поезд.

Она задумчиво разглядывала пролетающие за окном снежные пейзажи и пыталась понять, чего она чувствует

больше: радости за мужа, которого увидела в прекрасном настроении в первый раз за долгое время, или досады, что одержимость часами не отпускает Вадима.

Сойдя на вокзале, она углубилась в город. На душе было муторно. Она шла по узким мощенным булыжниками улочкам. Задержалась у фонтана с Писающим мальчиком, который просвещенные европейские бездомные и гуляющая публика превратили в пошлый общественный туалет. Затем, ускорив шаг, пересекла блошиный рынок, полюбовалась на белоснежный кафедральный собор, и на площади с ратушей и новогодней елкой увидела часовой магазин.

Сияющий Вадим встретил ее на полпути около елки. Она открыла сумочку, чтобы передать мужу часы, но их не было. На торце синей кожаной сумки зиял тонкий бритвенный разрез.

Потом были крик, слезы и снова крик, на который вышел старый лысый часовщик и прибежали полицейские. Муж и жена решили пройти весь маршрут от вокзала до магазина. Вадим был уверен, что кража случилась на рынке, который кишел народом. Он требовал, чтобы полицейские оцепили площадь и обыскали всех, а когда те отказались, принялся за дело самостоятельно, угрожая торгашам, хватая их и требуя вывернуть карманы. После этого полицейские пригрозили ему арестом. Удрученные супруги вернулись на вокзал и поздно ночью сели на прямой рейс до Берлина.

– Я теперь никогда не узнаю, понимаешь, я никогда не

узнаю, — твердил Вадим всю дорогу.

Дальше Вадим тосковал, и пил, и снова тосковал, пропадая из дому на недели. Он разыскивал часы, скандалил в полиции. Он купил похожую модель и пытался восстановить настройки, продолжал пить и наконец понял то, о чем боялся думать все это время: настройки были невероятным чудом, сыграл случай, один на миллиард, и повторить удачу не получится.

Он смирился.

И сразу вспомнил про Надю и вернулся к ней. Теперь они зажили на самом деле счастливо, не сверяя часы, без мистики и звездных замыслов. Их поход за счастьем завершился в новогодний вечер на уютной площади сказочного города с елкой и часовым магазином.

Многие были благодарны судьбе вместе с Надей и Вадимом под Новый год, как всегда бывает в это волшебное время. Однако самую глубокую и горячую благодарность к Фортуне питал один брюссельский нищий. Сняв номер в отеле, он отмокал в джакузи с пеной, свечами и с шампанским в ведерке.

Обменять ледяную вокзальную лавку и объедки бургера на роскошный гостиничный номер ему позволила замечательная находка на перекрестке около «Писающего мальчика». Красивая молодая женщина остановилась у заборчика перед фонтаном, поморщилась от запаха, затем с задумчи-

вым лицом достала из синей сумочки огромные блестящие часы. На глазах у изумленного бродяги она повесила их на железный штырь ограды и быстро ушла. Нищий схватил часы, удивился их тяжести и, сунув за пазуху, уковылял восвояси.

Оставив часы на ограде у Писающего мальчика, Надя направилась прочь. Краем глаза она увидела, что нищий завладел часами, и ускорила шаг.

Все верно. Разбить дьявольскую машину со стрелками было нельзя, выбросить в реку, растоптать и раздолбать молотком – ни в коем случае. Долгие месяцы наблюдая за Вадимом, Надя сама убедилась, что между часами и ее мужем есть физическая связь. А если это так – нужно, чтобы они продолжали работать. Нельзя их ломать, думала она, сидя в поезде на Брюссель и рассматривая чертову штуковину. Вы должны работать, тикать и шуршать шестеренками, ниточка жизни должна бесконечно тянуться по синему экрану, иначе он умрет.

Сойдя с поезда, Надя задумчиво шла по улицам, пытаясь придумать, как избавиться от проклятых часов. Оглядываясь по сторонам, она заметила бродягу, сидевшего на тротуаре, и тут же поняла, как все должно произойти. Она медленно подошла к ограде памятника – кроме нее и бродяги вокруг никого не было, – затем повесила часы на штырь ограды так, что бродяга мог это видеть.

Дальше вы знаете.

Наваждение прошло, туман рассеялся. После того как часы исчезли из ее с Вадимом жизни, Надя могла слышать звонкий стук своих каблуков по булыжникам старинной мостовой, могла видеть освещенные заходящим рыжим солнцем блестящие витрины магазинов и лица людей, идущих ей навстречу; она наконец почувствовала благоухание новогоднего праздника, ель, корицу и запах свежей выпечки. С каждым шагом ей становилось все легче.

На блошином рынке она купила пачку старых бритвенных лезвий, присела за столик в уличном кафе, отвернулась от закутанных в пледы горожан, потягивающих кофе из дымящихся кружек, и полоснула острием по кожаному боку сумочки. За углом она выбросила орудие преступления, запрокинула голову, чтобы рассмотреть верхушку высоченного, сложенного из белого камня собора Святого Михаила и Гудулы, и направилась дальше, обдумывая, как будет изображать удивление, досаду и ужас по поводу пропажи.

Бродяга понимал, что с часами дело нечисто и их нужно сбыть как можно скорее. Может быть, взбалмошная дамочка за ними вернется? Или она воровка, скидывающая краденое, а полиция уже идет по ее следу? Отдавать находку за копейки на барахолке не хотелось, уж очень эти часы были большие и красивые. Он направился напрямиком в часовую мастерскую на главной площади.

Вступив на площадь, он не заметил ничего удивительного.

Надя и Вадим десять минут назад, угнетенные, в слезах и в сопровождении сочувствующих полицейских умчались на поиски пропавших часов.

В магазине он попросил пухлую девушку за прилавком позвать хозяина. Она начала брезгливо пререкаться, бродяга – настаивать, и в итоге на крик из-за бархатной портьеры вышел лысый старик в огромных очках с толстенными линзами. Увидев часы, он икнул, протер очки и, недолго думая, отвалил за них бродяге такую сумму, что тот покинул магазин, сверкая от восторга, как елочная игрушка.

После этого часовщик вложил в ладонь ошарашенной помощницы 100 евро и сказал:

– Эллис, вы привели сегодня потрясающего клиента, нет, не возражайте, это ваша заслуга и ваше вознаграждение. На сегодня вы свободны, можете идти домой встречать Новый год. И еще. Вы же понимаете, что я не могу брать вещи у бездомных? Поэтому то, что вы видели, не должно покинуть этих стен. Могу ли я рассчитывать на вас?

– Но, господин Штоллер, может быть, это те часы, которые потеряла русская пара, вы же видели, как сокрушался мужчина...

– Нет, Эллис, это другие часы. Мужчина описал мне те, что у него пропали. Если к нам попадет эта вещь, мы сразу обратимся в полицию.

– Спасибо, господин Штоллер, мне было так жалко его, видно было, что часы ему очень дороги.

– Вы добрая девушка, Эллис, а добро должно вознаграждаться. Вот вам еще сотня. В этот Новый год не отказывайте себе ни в чем.

Эллис радостно закивала и ушла, а старик запер магазин и, крихтя и бормоча под нос, направился вглубь дома. Глупая корова будет молчать. Ишь ты, дура дурой, а еще лезет с предположениями.

Часовщик закрыл дверь кабинета на ключ и подошел к столу, заваленному механизмами, тикающими на все лады, как рой термитов и сверчков. Казалось, они шевелятся, вертят усиками, лапками и шестеренками, пытаясь уползти. Стены кабинета были также завешаны различными экземплярами, с маятниками, кукушками, шуршащими, цикающими и периодически издающими гулкий звон. Старик освободил место в центре стола, бережно положил принесенные часы перед собой и склонился над черным циферблатом. Он постучал по стеклу, и лицо его осветилось синеватым мерцанием.

Да, это были они, те самые, о которых он сегодня разговаривал с сумасшедшим русским. «Как же этот олух вас потерял, уму непостижимо! Если бы у меня были часы, которые предсказывают будущее, я бы их не выпускал из рук. А этот – оставил черт знает где и потерял!»

– Руди, мы открываем шампанское, – голос жены из соседней комнаты выдернул старика из потока мыслей.

– Я иду, ждите меня.

Он вошел в обеденную комнату, победно посмотрел на опрятную старушку-жену и внука пяти лет, копошащегося под елкой, и направился к столику с шампанским.

– Руди, давай позовем Эллис, пусть она поможет, ты же сто лет сам не открывал!

– Я отпустил ее домой. Не беспокойся, я справлюсь. Я еще не такой уж и старик, посильнее многих молодых.

Он взял бутылку и внезапно обретшей твердостью рукой стал снимать фольгу. Завтра утром я примусь за вас, думал он, обращаясь к часам, которые лежали на столе в кабинете. Я разберусь в ваших дьявольских настройках. Через мои руки прошло столько вам подобных, что и не снилось...

В этот момент пальцы старика соскользнули, зацепили проволоку, и плохо сидевшая пробка с хлопком влетела в шею владельцу часовой мастерской, угодив прямо в сонную артерию.

Через неделю после похорон сын часовщика принял дела по управлению магазином, уволив первым делом нерасторопную Эллис, и решил навести порядок в кабинете отца. Он вспомнил, что помощница болтала про какие-то чрезвычайно ценные часы, которые старик купил у бродяги в день смерти. Новый хозяин магазина сразу нашел их на видном месте – они были безнадежно неисправны. Электронный механизм оказался намертво закодирован, поэтому настроенный на старый стиль календарь и отставание от правильного времени невозможно было изменить. Какому идиоту пона-

добилось жить по календарю двухсотлетней давности? Еще он обнаружил, что, если зажать все кнопки сбоку от циферблата, дисплей загорится синим светом и по нему начнет слева направо двигаться витиевато исполненная последовательность цифр. Крутанешь в этот момент колесико – движение ускорится, цифры сольются в одну яркую линию. И так хоть минуту крути, хоть пять, замедляй и ускоряйся – линия будет скользить по дисплею бесконечно.

Сын решил, что покупка за бешеные деньги этого куска металла и пластика, генерирующего случайные числа, была первым и, к счастью, единственным признаком начинавшегося у родителя слабоумия.

Дурацкие часы были отправлены в коробку с бесполезной рухлядью, которая, прежде чем попасть на помойку, а оттуда на одну из брюссельских барахолок, оказалась в комнате пятилетнего Руди, названного в честь деда. Маленький Руди мог часами рыться в коробке, выуживая из нее замысловатые блестящие механизмы. Ему понравились большие часы с ярким циферблатом, по которому бегали цифры. Перед сном он брал часы с собой под одеяло, крутил колесико, и пещера его постели освещалась ярким неземным сиянием.

Однажды, в новогоднюю ночь, Руди-младший аккуратно сложил под елкой полученные от родителей подарки, чтобы как следует разобраться с ними утром, и запрыгнул в постель, захватив часы. Он нажал кнопки в нужном порядке, и экран засветился. Белые цифры, как всегда, побежали по

циферблату, но вдруг остановились. Мальчик крутанул колесико еще и еще раз – безрезультатно. Цифры, пробежав пару секунд по экрану, замерли окончательно.

Часы сломались, решил Руди. Он сунул их под подушку и заснул.

Он не знал, что в этот самый момент начертанная на звездном небе линия жизни прежнего хозяина чудесных часов перестала быть бесконечной.

Запустился обратный отсчет.

А в центре засыпанного снегом сибирского города в квартире на пятнадцатом этаже Вадим поцеловал спящую Надю, подошел к окну и улыбнулся приветливо мерцающим на ночном небе звездам. Он был счастлив, полон сил и как никогда уверен в своем бессмертии.

Наверное, как и все мы, когда счастливы.

Марианна Ли

Долгая ночь тридцать первого

Утро тридцать первого декабря Олег посвятил походу по магазинам. Маша, по-праздничному румяная и отчего-то смущенная, сунула ему в руки длинный список того, что нужно докупить к столу.

– Маш, может, мы без твоего элитного шампанского обойдемся? И без икры. За ними же на разные концы города ехать надо, – попытался отбояриться от лишних хлопот Олег.

– Нет, это важно! Какой же Новый год без шампанского и икры? И потом, это нужно для сюрприза!

Маша скорчила умилительное лицо, и Олег сдался. Он обнял свою невесту, чмокнул ее в макушку, там, где начинался ровный пробор светлых волос. Задержался, не желая выпускать ее из своих рук, такую теплую и уютную, пахнущую яблоками и корицей.

Маша первой разорвала объятия, замахала на Олега рукой:

– Ну все, иди, иди!

Олег вышел из квартиры ворча. Больше для виду – ему самому было нужно в торговый центр. Сегодня он наконец решился. Дело оставалось за малым: купить кольцо в бархатной коробочке и букет алых роз. «Да, не очень оригиналь-

но, — размышлял Олег, — но зато по всем правилам. Классика всегда в моде».

Из-за кольца он и задержался. Лифт не работал (это в новом-то доме!), и Олег запыхался, забираясь с пакетами на седьмой этаж. Зашел в квартиру уже вечером, когда по улицам города разливались вязкие сумерки.

Свет не горел. Олег щелкнул выключателем, сгрузил на пол звякнувшие сумки.

— Маша? Ма-а-аш!

Ему ответила тишина. Не пахло готовящейся едой, никто не суется в зале, около наряженной елки. Олега кольнуло неприятное, не оформленное еще в конкретную мысль предчувствие.

Он зашел в спальню, решив, что его невеста решила подремать перед тяжелым вечером. Увидел неплотно прикрытую дверцу шкафа и открыл ее почему-то дрогнувшей рукой.

Полки оказались пусты.

Олег сорвался с места. Он пробежал по квартире, и всюду ему в глаза бросались бреши на привычных местах. Исчезла батарея баночек из ванной, опустел кухонный шкаф, пропали со стены Машины фото. Если бы не знакомый запах духов, висевший в воздухе, Олег бы решил, что год жизни с Машей ему причудился, как смутный, но крайне убедительный сон, приснившийся под утро.

На кухне Олег нашел пустую чашку, на которой отпечаталась алая каемка Машиной помады. Под чашкой лежала

записка, длинная и невнятная. Олег выцепил лишь общий смысл. «Я люблю другого, прости».

Первую бутылку шампанского Олег употребил из горла, не чувствуя вкуса. Вторую взял с собой, когда вышел на балкон. Достал из заначки пачку сигарет и жадно затянулся. Год назад он при Машинной поддержке бросил курить. А теперь – зачем было держаться? Зачем вообще что-либо?

В груди распахнулась дыра, через которую тянуло ледяным сквозняком. Шампанское не работало.

Повинуясь мазохистскому порыву, Олег взобрался на подоконник. Распахнул окно, ловя лицом ветер. Нет, он не собирался прыгать. Но усевшийся на левое плечо демон противоречия шептал ему, что подойти к краю бездны и бросить взгляд вниз, пощекотать нервишки – ровно то, что ему требовалось. Олег был готов на любое действие, только бы перебить эту чертову боль, чем угодно, как угодно!

Олег посмотрел под ноги. Начинался снегопад. Случайные прохожие, нагруженные сумками, торопились домой, к оливье, «Голубому огоньку» и наряженной елке. Ровно двадцать одну минуту назад Олег был таким же. Блаженны неведующие.

«И через месяц-другой ты снова станешь таким же, – шепнул голос ангела с плеча правого. – Все пройдет. Не дури, дружище! Боль не длится вечно. Слезай с подоконника, ну!».

Олег почувствовал, как расслабляются мышцы, как накачивает мягкий шум в ушах. Деревянными пальцами он вце-

пился в оконную раму и уже собирался сделать шаг назад, как вдруг резкий порыв ветра хлопнул балконной дверью. Будто невидимая рука толкнула Олега в спину.

Он взмахнул руками в безуспешной попытке сохранить равновесие. И полетел вниз.

Жизнь перед глазами пронестись не успела. Олег даже не закричал. Вместо этого – животный ужас и так некстати всплывший в памяти факт: при падении с седьмого этажа вероятность летального исхода приближается к ста процентам.

Земля ударила Олега, как самосвал сбивает выскочившего на дорогу глупого зайца. И не было ни тоннеля, ни строгого бородача с ключами от райских врат. Только темнота.

Олег очнулся от холода. Дернулся, рефлекторно отгреб от лица что-то белое и холодное. Удивился тому, как легко руки ему подчиняются. «Это что, снег?» – с удивлением подумал Олег. Резко сел, охнув от боли в ребрах.

И тут же истерично заржал. Он упал в сугроб, который коммунальщики сегодня утром заботливо накидали под окнами.

«Ну все, теперь тридцать первое декабря – мой официальный второй день рождения», – подумал Олег.

Кряхтя, он принялся выкапываться из снежной горы. Кое-как, на четвереньках, выбрался на свет божий – узкую полоску расчищенного тротуара. Встал. Голова закружилась, но через пару мгновений мир остановился и принял привычное положение.

– Надо же! – донеслось откуда-то сбоку. – А мне матушка говорила, что мужики просто так с неба не падают.

Голос был низкий, прокуренный. Оборачиваясь, Олег ожидал увидеть женщину лет сорока, с явными признаками алкогольной зависимости. Вместо этого перед ним оказалась совсем молоденькая девушка, скорее всего еще школьница, в низко надвинутой на лоб шапке и огромной лыжной куртке, явно снятой с чужого мужского плеча. Олег в удивлении разглядывал профиль с аккуратным носом и припухшими губами.

Девушка курила на редкость вонючие сигареты, прислонившись к фонарному столбу.

– Что, гириланду вешал? – едко бросила она.

Девушка пожирала Олега оценивающим взглядом. Так обычно смотрят домохозяйки на курицу, разложенную на рыночном прилавке. Какую выбрать – пожирнее, посочнее? Олегу почему-то стало не по себе.

– Нет, хотел генеральную уборку устроить. Окна мыл, – мрачно ответил он.

Эйфория от чудесного спасения схлынула. Олег стоял на обледенелом тротуаре в одной футболке, босиком – тапочки слетели во время падения, и искать их в снегу его не тянуло. Смартфон остался в кармане куртки, наверху, за закрытой изнутри дверью.

Оценив ситуацию, Олег рысцой побежал к домофону. Задубевшими пальцами принялся тыкать в номера соседских

квартир.

Домофон оказался неисправен. Раздавался характерный пиликающий звук нажатой кнопки, но крошечное табло оставалось темным.

– Да почему именно сегодня?! – возопил он к небу, откуда совсем недавно приземлился. Небо не отвечало.

– Совсем не работает? – девушка проследовала за ним и теперь с любопытством смотрела на его попытки, наклонив голову.

Олег нецензурно выругался и саданул онемевшим от холода кулаком в подъездную дверь. Стало чуть легче. Он перевел взгляд на навязчивую девицу.

– Слушай, у тебя телефона нет?

– Не-а. – Девушка безмятежно улыбнулась. – У меня есть кое-что получше.

С этими словами она расстегнула куртку и под недоумевающим взглядом Олега стала раздеваться. Под первым гигантским пуховиком оказался второй, уже подходящий ей по размеру.

– На, потом вернешь.

Олег не стал ломаться и моментально скользнул в еще теплую куртку.

– И часто ты ходишь по улице в таком виде? – спросил он.

– Нет. Только когда сбегая из дома. – Девушка пожала плечами и сунула сжатые кулаки в карманы, поживившись.

Олег снова взглянул на нее, уже внимательнее. В невер-

ном свете подъездного фонаря он заметил, что у нее разбита губа, а левая скула чуть припухла, как после сильной пощечины. Почувствовав его взгляд, девушка отодвинулась и принялась поправлять на шее длинный, неловким узлом завязанный шарф.

– Спасибо, – Олег первый нарушил неловкую паузу. Протянул девушке руку:

– Меня Олегом зовут. А ты?

– Вика.

Пару мгновений он смотрел на растрепанную, ершистую девушку. Та уставилась ему в глаза в ответ, изогнув бровь: мол, чего надо? И тут Олегу пришла в голову идея. Он медленно заговорил, с каждым словом убеждаясь, что принял правильное решение.

– Послушай, тебе, судя по всему, идти некуда. Давай поднимемся ко мне, встретим Новый год вместе, а там ты уже решишь, что дальше делать. По рукам?

– Не думаю, что у тебя получится. – Вика как-то странно посмотрела на него. Она щелкнула колесиком зажигалки и затянулась очередной вонючей сигаретой.

– Почему? Сейчас кто-нибудь выйдет из подъезда, мы зайдем внутрь. Я вызову слесаря, он вскрыет дверь...

– Вечером тридцать первого декабря? – ехидство Вики было можно разливать по бутылочкам и продавать, как быстродействующий яд.

– Тогда напросимся к соседям.

– А ты хоть знаешь, как их зовут? Да и многоэтажка совсем новая. Еще никто толком не заселился.

Олег окинул взглядом высотку. Действительно, мягкий желтый свет лился всего из нескольких окон.

– И что ты тогда предлагаешь, девочка-облом? – Олег почувствовал, что начинает закипать. Вика была права, и это особенно злило.

– Ну-у-у... – протянула девушка. – Через дорогу начинается другой район. Там живут люди попроще. Ни одного кодового замка на подъездах! Не пустят за стол, так хоть погреемся.

Ноги Олега, буквально примерзшие к тротуару, согласились с ней.

Внезапно двор прорезал слепяще-белый свет фар. Около подъезда затормозил черный автомобиль. Старомодный, квадратный, похожий на ящик – такие машины Олег видел разве что в исторических фильмах.

В детстве Олег собирал игрушечные машинки. Гвоздем его коллекции был ЗИС-101, солидный, мрачный и надежный на вид, совсем не то, что обезличенные автомобили начала нулевых. Олег даже не играл со своим любимцем, только доставал иногда с полки, восторженно проводил пальцем по округлым линиям и ставил его обратно. При переезде из города в город ЗИС затерялся.

И вот теперь машина из далекого детства вдруг подросла в размерах и приехала прямиком к его дому.

Очарованный, Олег сделал шаг вперед. Ему вдруг остро захотелось узнать, кто сидит за рулем этого ретрочуда. Странно, но он не мог разглядеть силуэт, только тьму, колышущуюся за стеклом.

– Эй, куда это ты? – Вика схватила его за запястье, и наваждение схлынуло так же легко, как и пришло.

Девушка взглянула в сторону автомобиля, и лицо ее вытянулось от испуга.

– Быстро! – вскрикнула она. – Шевели копытами, дядя!

Хамски-снисходительное «дядя» из уст малолетней девицы Олега царапнуло, но он благородно смолчал. Только обернулся – понять, что так напугало Вику. И увидел высокую темную фигуру, вылезающую из машины. Не успел разглядеть лицо, ибо девушка потянула его за собой с упрямством локомотива. Они скользнули в просвет между домами, и черный человек остался за углом.

Вика почти бежала, Олег не отставал. Девушка петляла по пустым заснеженным улицам, уверенно сворачивала в самых неожиданных местах. Город будто вымер. Ни автомобилей, ни прохожих. «Эх, сейчас бы заливать горе в теплой квартире, а не вот это вот все», – подумал Олег.

– Хорошо знаешь район? – спросил он.

– Лучше, чем мне бы хотелось, – хмыкнула Вика. – Я здесь с рождения живу. Дальше будет железка, и метров через сто – мой дом, последний в тупике. Каждое утро просыпаюсь от идущих на Москву электричек.

Она помрачнела и исправилась:

– Просыпалась.

– Не хочешь рассказать, как тебя угораздило свалить из дома в ночь на тридцать первое? – решил задать лобовой вопрос Олег. От быстрого шага он немного согрелся, и жизнь не казалась ему совсем уж невыносимой. Теперь его снедало любопытство.

Вика остановилась. По лицу девушки пробежала тень, как будто она пожалела о той толике личного, что слетела с ее языка. Взглянула на Олега исподлобья, взвешивая, достоин ли он доверия.

Взвешивание оказалось не в его пользу.

– Нет, не хочу.

Дальше шли молча. Район новостроек, где Олег еще худо-бедно ориентировался, вскоре кончился. Потянулись ряды двухэтажных домов и старых бараков, которые власти регулярно грозились расселить и снести, но все никак не исполняли обещания. Где-то горели окна и мигали гирлянды, слышался звук работающего телевизора. Не то «Ирония судьбы», не то «Джентльмены удачи» – Олег смотрел их под Новый год с родителями кусками, да так ни разу и не досмотрел от начала до конца.

Пару раз он видел движущийся свет фар, который заставлял деревья отбрасывать на снег причудливые тени. Всякий раз Вика нервно озиралась, а затем резко меняла направление движения.

«Да от кого ты так убегаешь? Кто тебе губу разбил?» – хотел спросить Олег. Но не спрашивал. Знал, что девчонка не ответит. Да и, в конце концов, каждый имеет право на секреты.

– Давай здесь попробуем, – Вика направилась к деревянному крыльцу дома, из окон которого доносились смех и что-то из российской эстрады. Олег уже предвкушал, как нежно прижмется к ребрам батареи, как вдруг дверь распахнулась.

– Лидочка, ну чего ты, родная, ну не надо, а! Светлый праздник же, Новый год! – из подъезда выскочил тощий, взъерошенный мужик, щедро окативший Олега спиртовым духом.

– Ах ты, алкаш подзаборный! – громыхнуло сверху. Донесли тяжелые, спускающиеся по лестнице шаги.

Лидочкой оказалась монументальная дама за пятьдесят, с праздничным начесом-буклей на голове и гневно искривленным ртом.

– Лидуся, ну не надо! Хочешь, я тебе руки поцелую, а?

Мужик бухнулся на колени в попытке приложиться губами к запястью женщины.

– Шуруй к своим друзьям, тебя здесь не ждут, – припечатала она. – Еще раз приползешь, ментов вызову!

Женщина захлопнула дверь так, что пошатнулся горшок герани в окне одной из квартир. Расхристанный мужичок поднялся с колен и философски почесал затылок.

– Лидуся нас погреться точно не пустит, – резюмировал

увиденное Олег. — Не будем терять время.

Он уже наметил следующий двухэтажный домик, где светились окна, и двинулся вперед уверенным шагом, не заботясь, идет Вика за ним или нет. Вдруг сзади раздался короткий вскрик и звук падения. Олег обернулся.

Пьяненький мужичок лежал на утоптанном снегу. Лицом вниз. Видимо, поскользнулся, неудачно спускаясь с крыльца. Олег было шагнул вперед, чтобы подойти и помочь, но Вика вскрикнула:

— Нет, стой!

— Ты чего? — недоуменно посмотрел на нее парень. Вместо ответа Вика кивнула, указывая на силуэт, неспешно приближающийся к дому.

Это был тот самый незнакомец на ретромашине, которого Олег видел около своего дома. Он двигался медленно, но неотвратно, почти вальяжной походкой.

Силуэт вошел в свет фонаря, и Олег вздрогнул. Это был не человек. Две ноги, две руки, голова — такие фигурки маленький Олег рисовал химическим карандашом на листах бумаги, когда пытался впервые изобразить папу. Вместо лица — густо замазанный черным овал. Не разглядеть черт, взгляд будто соскальзывает, как во сне.

Черный набросок замер около лежащего на снегу мужичка, так страстно лобызавшего руки Лидочки пару минут назад. Несколько томительно долгих мгновений нарисованный силуэт смотрел на Олега. Глаз у незнакомца не было, но Олег

ощутил этот пронизывающий взгляд какой-то своей нутряной, человеческой сутью. Олега затошнило от ужаса.

Силуэт наклонился и подхватил мужика легко, как бумажную куклу. Перекинул через плечо и понес в сторону дороги, на которой стоял его автомобиль. Он двигался все так же медленно, размеренно. Только когда черный человек вышел из-под света фонаря, Олег понял, что может дышать. И что Вика уже почти минуту дергает его за рукав.

– Да приди ты в себя! Валим отсюда, быстро!

И он побежал. Да так, словно за ним сам черт гнался. Дворы, путанные дорожки между домами, заборы, замерший в тишине парк – все слилось в карусель. Сначала закололо в одном боку, потом в обоих, но Олег не останавливался. Короткие волоски на его затылке до сих пор стояли дыбом от ужаса, и остановиться было смерти подобно.

– Стой, я больше не могу, – крикнула сзади Вика, и только тогда Олег притормозил.

Они оказались в маленьком дворике, с двух сторон стиснутым стенами домов. Покосившийся фонарь освещал детскую площадку. Припорошенная снегом фигурка-лошадка смотрела внимательным черным глазом, как двое людей шли по нетронутomu снежному полотну.

Запыхавшаяся после бега Вика упала на качели. Она судорожно копалась в карманах в поисках сигарет и старательно отводила взгляд.

– Вика, какого черта происходит? – Олег сел рядом, в упор

установившись на девушку. — Кто за нами гонится?

— А ты еще сам не догадался? — истерично хохотнула она. — Ну ты, дядя, тугодум.

Олег не ответил, продолжая сверлить ее тяжелым взглядом.

— О'кей, вот тебе намек.

Вика сунула ему под нос почти полную пачку сигарет. В плотном рядке не хватало лишь одной штуки. Девушка вытащила еще две: одну для себя, вторую бесцеремонно сунула в рот Олега. Закрыла пачку и протянула парню.

— Открывай.

Заинтригованный, он откинул картонную крышечку. Пачка снова оказалась полной, без одной сигареты. Олег перевел взгляд на Вика. Задумчиво потрогал сигарету, которую сам зажал в зубах.

— Ну что, теперь понимаешь? — голос Вики дрогнул.

— Да, понимаю... — Олег выдержал драматическую паузу. — У тебя бесконечный запас курева.

Вика уставилась на него, приоткрыв рот. Олег мог поклясться, что слышит, как щелкают в ее голове сменяющие друг друга мысли. Наконец девушка пришла в себя.

— Идиот! — Она впечатала маленький кулачок в плечо Олега.

Довольный собой, он заржал. Следующий удар свалил его с качелей. Олег лежал в сугробе (второй раз за этот вечер) и смеялся как умалишенный. Пару секунд Вика смотрела на

это безобразие, а затем махнула рукой. И рассмеялась сама. Их смех отражался от сдвинутых стен домов и улетал куда-то в зимнее небо.

Лежа на спине и глядя вверх, на звезды, Олег вдруг с удивлением понял, что никакой дыры в груди у него больше нет. Весь сегодняшний день с глупым забегом по магазинам и растворившейся в воздухе Машей сейчас казался картинкой из далекого прошлого. Пяти, а может, и десятилетней давности. Был только смех, снег и странная девушка, еще даже девочка, колючая, как еж.

Они пришли в себя через пару минут. Как по команде встали, стыдливо отряхнулись и снова сели на качели. Наконец, когда тишина стала невыносимой, Вика спросила:

– Кого ты видел? Когда она пришла забирать того мужика.

– Это была она? – удивился Олег. – Я думал, это мужчина. Точнее, черный силуэт. Такой... не настоящий. Как будто нарисованный.

– Каждый видит что-то свое, – Вика поежилась. – За мной вот ходит старуха с косой, как в дурацких детских книжках. У тебя хоть что-то оригинальное.

Следующие слова Олег с трудом вытолкнул из горла.

– Я что, умер? И это все – мой последний, самый яркий сон?

– В некотором роде. Не знаю точно. – Вика впервые подняла взгляд на Олега, и он заметил пару мокрых дорожек на ее щеках. – Не все, кто здесь оказываются, еще мертвы. Кто-

то возвращается.

– И как часто? – Олег вцепился в эту мысль, как утопающий в спасательный круг.

– Я помню только одного. Маленького мальчика. Я встретила его тут же, на детской площадке. Он лепил снеговика.

– Как он вернулся? – Олег вскочил на ноги. – Что именно сделал?

– Если бы я знала, то с тобой бы здесь не сидела, – Вика огрызнулась, но без былого задора. – Он с самого начала весь светился, таким особым голубоватым светом. Как маленькая звезда.

Вика замолчала. Она покачивались на качелях, обхватив себя руками, будто желая успокоить.

Впервые в жизни Олег искренне захотел поддержать человека. Не потому, что так принято, не для того, чтобы оборвать зарождающийся скандал, а от всего сердца. Передать частичку уверенности, что все будет хорошо. Что от смерти можно убежать – у них ведь получилось это сделать дважды, значит, получится и в третий раз! Но нужные слова не приходили. Он стоял среди заснеженного двора, в куртке с чужого плеча и смотрел, как плачет девушка, о которой он не знал ничего, кроме имени.

– Я здесь так давно, ты не представляешь, – Вика говорила тихо, и Олегу пришлось наклониться, чтобы расслышать ее слова. – Мое тридцать первое растянулось в вечность. Я видела столько людей, и за всеми приходит она. Я бегу, бегу

изо всех сил, а она каждый раз догоняет. Словно издевается надо мной.

Вика вдруг вскинула на Олега глаза, казавшиеся черными из-за расширенных зрачков. Глаза безумной. Она сорвала с себя пушистый шарф и выдвинулась чуть вперед, под свет фонаря.

Вокруг ее шеи виднелась лиловая полоса – след не то ремня, не то веревки. Олег вздрогнул.

– Я ведь сюда сама пришла, понимаешь? И только здесь поняла, что на самом деле мои проблемы – полная фигня. Подумаешь, отец ушел, подумаешь, мать бьет. Я ведь могла и правда уйти из дома, могла найти помощь. Но решила по-другому.

У Вики перехватило дыхание от слез, она сделала судорожный вздох. И почти выкрикнула:

– Зато теперь я вцепилась зубами в край могилы. Я не хочу умирать, не хочу!

Голос девушки сорвался. Она опустила голову – не желала, чтобы Олег видел ее слезы.

Парень встал перед ней на колени. Аккуратно взял ее руки в свои. Заговорил:

– Я не оставлю тебя тут. Мы что-нибудь придумаем. Только не плачь, ладно? – Он аккуратно обнял Вику, попытался прижать к груди. На миг та замерла на его плече. И тут же злобно его отпихнула.

Олег в недоумении сделал шаг назад. Лицо Вики, хрупкой

милой девочки, исказила нечеловеческая ярость. Казалось, что сейчас она кинется и выцарапает ему глаза.

– Почему ты?! – Она обвиняюще ткнула ему в грудь пальцем. – Чем ты лучше меня?

Олег недоуменно хлопнул глазами.

– Что, опять не догоняешь? – злобно хмыкнула Вика. – Сравни-ка!

Она обхватила его ладонь. На контрасте с бледной, холодной кожей Вики, рука Олега светилась нежно-голубоватым светом. «Он с самого начала весь светился. Как маленькая звезда», – вспомнил Олег.

– Значит, я смогу вернуться? – Олег не смог сдержать облегченной улыбки. И тут же пожалел об этом, увидев потемневшее лицо девушки.

– Знясит, я смогу вийнуса? – передразнила Вика. – Да, сможешь! Я за тобой с самого начала шла, чтобы понять, что нужно сделать. И ни черта не поняла. Ты – самый обычный, ты не сделал ни-че-го! И теперь возвращаешься обратно!

Она оттолкнула Олега.

– Проваливай отсюда! – орала Вика. – Лучше смерть, чем смотреть на твою рожу!

За спиной Вики тени пришли в движение. Черный автомобиль перевозчика душ Харона выползал из-за угла, и фары заливали детскую площадку мертвенно-белым светом.

Девушка обернулась к этому свету. Эмоции на ее лице неслись вскачь. Злость, отчаяние, страх... и облегчение. Она

сжала кулаки и шагнула навстречу остановившемуся автомобилю.

– Прощай, дядя. Удачной дороги назад.

Олег бросился к ней, хотел было схватить ее за руку... и неловко бухнулся в сугроб, споткнувшись об лошадку-качалку. Круглый черный глаз уставился на него, будто говоря: «Да, брат, попал ты в переплет». Олег попытался вздохнуть, но воздух не шел в легкие.

Пушистый снег, взвившийся в воздух при падении Олега, никак не оседал. Он все разрастался, закручивался в воронку, в огромный буран. Олег барахтался, кричал, проклинал и торговался – и все без толку. Невидимая сила подхватила Олега и понесла, как ураган, закинувший Элли в страну Оз.

Сквозь толщу снега доносились голоса.

– Парень! Эй, парень! Ты живой?

Кто-то тряс Олега за плечи. Дышать было больно. Думать было больно. Все – больно.

Олег замычал и открыл глаза. Над ним нависали две бородатые рожи с нимбами над головами. Он сморгнул, и нимбы трансформировались в отблески от уличного фонаря.

– Ты смотри, парниша, в декабре на улице спать вредно! – нравоучительным тоном выговаривал Олегу один из «ангелов».

Олег никак не мог остановить вращающийся мир. В ушах стоял звон. Наконец он сформулировал первый вопрос:

– А где Вика?

– Какая Вика? Жена твоя, что ли? – спросил мужик номер один.

– Жена – это хорошо, – глубокомысленно сообщил номер два.

Олег встал. Сделал несколько неверных шагов, покачиваясь. Ноги не слушались. Он замерз, он был в одной футболке, босой стоял на снегу, придерживаемый под руки двумя поддатými мужиками, чудом откопавшими его в сугробе.

– Вы не подскажите, где находится железная дорога? – спросил Олег.

Мужики над его головой переглянулись. Один неуверенно ткнул в сторону покосившихся двухэтажных домиков:

– Вроде там.

Сквозь звон в ушах проступил голос Вики, шепнувший: «Метров через сто – железная дорога, за ней – мой дом, последний в тупике. Поторопись...»

Олег побежал.

На перекрестке он рванул на красный свет, едва не угодив под колеса такси. Шумная и пьяная компания студентов

улюлюкала ему вслед что-то веселое и связанное со злоупотреблением алкоголем. Олег и голову не повернул в их сторону. Он боялся, что вот-вот тонкая путеводная нить оборвется и он затеряется в лабиринте старого района.

Так и произошло. Он стоял среди облупленных домов и чувствовал, что время утекает. Что старуха с косой идет совсем рядом, опережая Олега на полшага: уж у нее нет ни малейших сложностей с определением дороги.

Он проверял одну улицу за другой, пока не сбился с пути окончательно. Зброшенные дома скалились выбитыми окнами.

Олег бежал, пока не поскользнулся и не распластался на дороге вниз лицом. Он скреб ногтями наледь и чувствовал, что не может и не хочет подниматься. Кажется, он плакал.

До него донесся гул. Олег приподнял голову, вслушиваясь.

Совсем близкий перестук колес ночной электрички стал лучшей музыкой для его ушей. Дом в тупике оказался рядом, буквально за углом, два подъезда по четыре квартиры. Окна светились только у одной.

Дверь оказалась не заперта. На тесной кухне шло шумное застолье, нетрезвые голоса тянули под гитару «Ой, мороз-мороз...». Десяток гостей были настолько увлечены, что не сразу заметили ввалившегося мужика с безумным взглядом.

– Где Вика? – рявкнул Олег.

Голоса смолкли.

Женщина со злыми глазами и зажатой в зубах сигаретой ухмыльнулась. Она мотнула головой, указывая направление:

– У себя заперлась. Нежная она, гостей не любит. Комната в конце коридора.

Олег не помнил, как выломал дверь, как достал Вику из петли, как отпаивал ее, надсадно кашляющую. Запомнил лишь, как она поманила его пальцем и, когда Олег наклонился, прохрипела сорванным голосом:

– Ну и дурак ты, дядя.

И только после долгой паузы добавила:

– Спасибо.

Где-то над домом бахнул новогодний салют.

Нелли Мартова

Случай в конверте

Подарочная новогодняя сказка

Перед Новым годом почтальону расслабляться нельзя. Чудес не бывает – работа поблажек не дает, сиди да носа не поднимай. У Лины все четко, ни одно письмо не пропадет, ни на одной квитанции адрес не перепутает. Придет в отделение пораньше, все три раза проверит, разберет по кучкам, и пора на доставку, вот только чаю хлебнуть, а то в горле пересохло.

– Блинство... Глаза разуй, чучело безрукое! – завопила она, и шелест бумаг в комнате прекратился.

– Ты это кому? – подняла голову Наталья, почтальон соседнего участка.

– Да себе же, еперный театр, себе! Вот Дурында Балбесовна, кружку опрокинула! – Лина схватила нарядный конверт, залитый чаем, и принялась стряхивать капли на пол.

Куда там! Бурое пятно расплзлось на весь угол.

– Едрена матрена, небось и внутрь протекло, – проворчала она.

– Поступило в поврежденном виде, – сказала Наталья.

– Ага, – дружно закивали головами остальные почтальон-

ши.

– Лина Анатольевна, дайте я протру, – подала голос Лизонька.

– Не трогай, только хуже сделаешь, – отмахнулась Лина.

Она в ужасе уставилась на конверт – аккуратно выведенные буквы в разделе «Кому» поплыли, имя получателя и адрес превратились в размытые пятна. Конверт был большой и праздничный, украшенный рамкой из голубых снежинок и улыбающимся Дедом Морозом. Внутри прощупывалось что-то плотное и рельефное – наверное, новогодняя открытка. Судя по конверту, красивая открытка, которая теперь не найдет своего получателя. Отправитель тоже расстроится и на чем свет стоит разругает почтовую службу. И будет прав, между прочим!

Чужие послания каждый день толпились у Лины на столе, как пассажиры на вокзале в очереди за билетами. «Пустите, я первая пришла!» – кричала яркая почтовая карточка, куда-то приглашающая своего адресата. «Женщина, вас здесь не стояло!» – возмущался упитанный конверт. «Мы вне очереди. Мы – официальные представители», – рапортовали строгие конвертики с прозрачными окошками для отпечатанных адресов. Два раза в день, гордо повязав пестрый шарфик (зимой – вокруг шеи, летом – на сумку), Лина отправлялась доставлять своих «пассажиров» по местам следования. Ее руки, сухие и растрескавшиеся от постоянной работы с бумагой, одинаково аккуратно и бережно обраща-

лись с газетами, письмами, извещениями и открытками.

И вот на тебе – своими руками испортила конверт. Лина все еще держала его в руках, двумя пальцами, как рыбий хвостик, не зная, куда бы его пристроить. Откуда-то донеслась веселая новогодняя мелодия, переливались колокольчики, как будто дразнил кто-то – эх ты, почтальонша, оставила кого-то без новогодних поздравлений!

– Девочки, у кого телефон? – возмутилась она вслух. – Что за привычка, дурацкую музыку на звонок ставить.

– Тебе слышалось, – миролюбиво ответила вечно спокойная Наталья. – Или мимо окна кто-то прошел.

Лина положила конверт на стол, колокольчики утихли, только в голове остался противный звон.

– Глиста в скафандре! Тумбочка с начесом! Чего тебе вздумалось чай пить? Палки у тебя вместо рук, и тебе их надо выдрать! – бубнила она себе под нос.

– Чего ты так переживаешь? – спросила Наталья. – Со всеми случается.

– Что с ним теперь делать? Адрес весь смылся, обратного нет.

– Первый раз, что ли, у тебя письмо с неразборчивым адресом? Значит, не повезло ему, не судьба.

– Ему не судьба, а мне – судьба, – проворчала Лина.

– Что-то я не поняла тебя, – удивилась Наталья и добавила: – Отправим на почтамт, там раз в квартал вскрывают, может, найдется получатель.

Лина вздохнула, посмотрела на календарь – двадцать второе декабря. Следующий «раз в квартал» будет после праздников, хорошо еще, если попадет на январь. Опоздать на месяц с доставкой поздравления к празднику? Значит, придется все-таки шарфик выкинуть.

– Пусть полежит пока, высохнет, может, что-то смогу прочитать, – сказала она вслух.

Лина хотела положить конверт на батарею, но только взяла его в руки, как снова услышала незатейливую новогоднюю мелодию. Оглянулась – никто больше не замечает, лишь склоняются над столами головы и шуршат по бумаге ручки.

Она заслушалась колокольчиками. Закружилась, поплыла голова, Лина чуть не упала, схватилась за стул. Не от того, что который день не высыпалась, и не от того, что болели ноги после долгой ходьбы по сугробам и узким тропкам. Внутри нее сломался невидимый пьедестал почета. Шарфик родной, жалко. Проработав первые три года на почте, она получила благодарственную грамоту, и начальник ей от себя лично вручил этот самый пестрый шарфик со словами: «Носи и помни, дело почтальона – незаметное, но важное. Ты грамоту заслужила, тебе есть чем гордиться». Лина, тогда еще молоденькая наивная девочка, слова начальника приняла всерьез и пообещала себе, что будет носить шарфик до тех пор, пока может называть себя хорошим почтальоном. Так радовало ее это ощущение – «я хорошо работаю», – что она следовала за ним, как за компасом, и не думала поменять

работу на другую, где зарплата побольше или можно занять должность повыше. Концы шарфика обтрепались, бахрома сваялась, и давно забылись слова начальника, но ощущение осталось, и Лина с шарфом не расставалась. Ей без него – как полку без знамени, не то что работа, жизнь не в радость.

Теперь, выходит, она недостойна свой шарфик носить. Разве хороший почтальон будет посреди писем чай пить?!

Лина положила конверт на стол, колокольчики утихли. Снова приподняла, услышала мелодию. Музыкальная открытка внутри, что ли?

– Наташ, он правда мелодию играет, или мне кажется? – спросила она и потрясла конвертом.

– Кто он?

– Да конверт это чертов, мать его за ногу!

– Ты не заболела? – нахмурилась Наталья. – Ничего я не слышу. Может, у тебя в ушах звенит?

Лина потрясла головой. Что за наваждение? Она отставила пустую чашку и взялась за привычную работу – рассовала письма между газетами, разобранными на «домовые» и «квартирные» кучки, сложила все в обширную сумку, вздохнула, повязала на шею шарфик-ветеран и отправилась в ежедневный почтовый поход. Последними она разложила несколько своих личных посланий без подписи и марок. Это не было злоупотребление служебным положением, никто не запрещает опускать листки в чужие почтовые ящики. По крайней мере, не хуже, чем рекламные буклеты. На

столе остался лежать одинокий праздничный конверт, к которому прилепилось уродливое бурое пятно.

Она переходила из дома в дом, рассовывала конверты по ящикам, на автомате отмечая про себя номера квартир, но мысли ее крутились вокруг злополучного письма.

– Лина Анатольевна, что это ты нынче молчишь? Случилось что? – окликнул ее Степаныч, знакомый пенсионер.

– Хочу и молчу, – огрызнулась Лина, которая терпеть не могла Степаныча за одну его дурную привычку.

Жильцы домов на ее участке давно привыкли к тому, что почтальонша у них больше любит с письмами поговорить, чем с людьми. «Красавчик в голубом, тебе куда, в пятую? Мы тебя к газетке приложим, тебе скучно не будет», – приговаривала она, опуская газету в ящик. «А ты, выхухоль шершавая, где они только берут такую бумагу, в двадцать вторую?». «О, снова судебное в пятнадцатую, сочувствую, голубчик, тебя опять выкинут».

Лина никогда не позволяла себе вскрыть чужой конверт. Не из воспитания или чувства приличия, а просто какой же из нее тогда хороший почтальон? Но с этим письмом она уже лопухнулась. Если портной криво пришел рукав, не все ли равно, каким будет воротник? Если повар положил в суп килограмм соли, не все ли равно, сколько в нем будет мяса? Так что мешает ей прочесть письмо? С этой мыслью после утренней доставки она вернулась на почту. Оглянулась по сторонам – не смотрит ли кто – и сунула конверт, пахнувший

влажной бумагой, в сумочку. Лина жила в том же доме, где располагалось почтовое отделение, и по утрам после доставки обычно забегала домой – сделать завтрак для младшей дочери, убедиться, что она не проспала и не опоздает в школу. Выпускной класс – самый важный, на носу поступление.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.